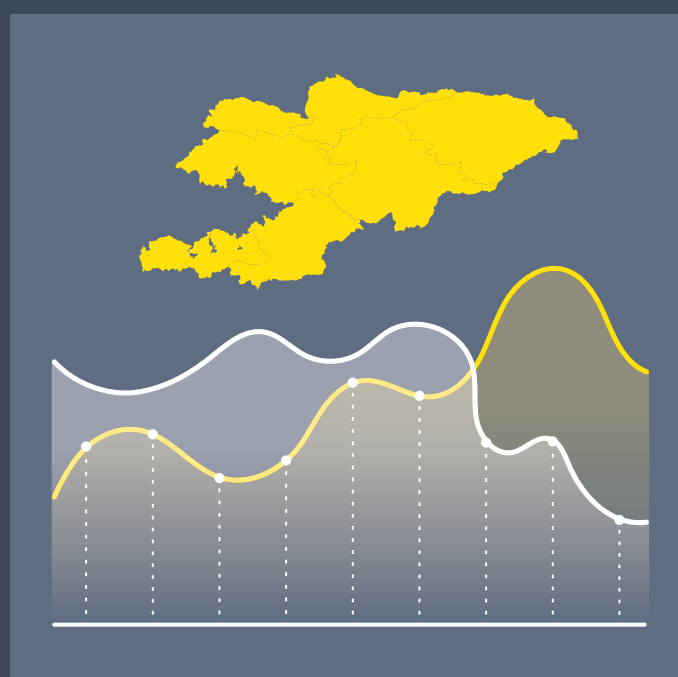
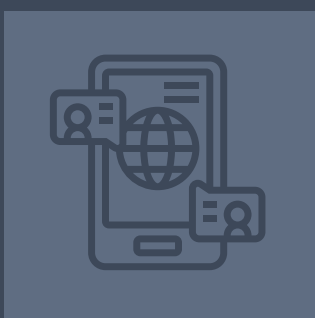
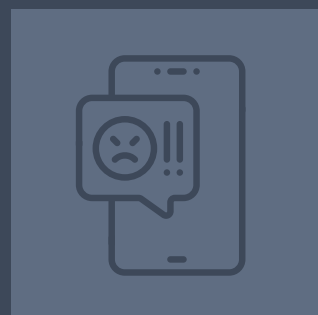
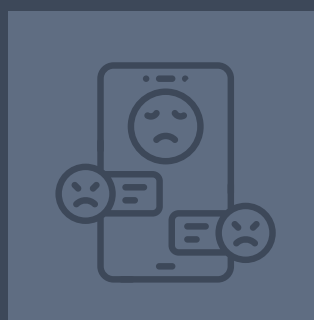
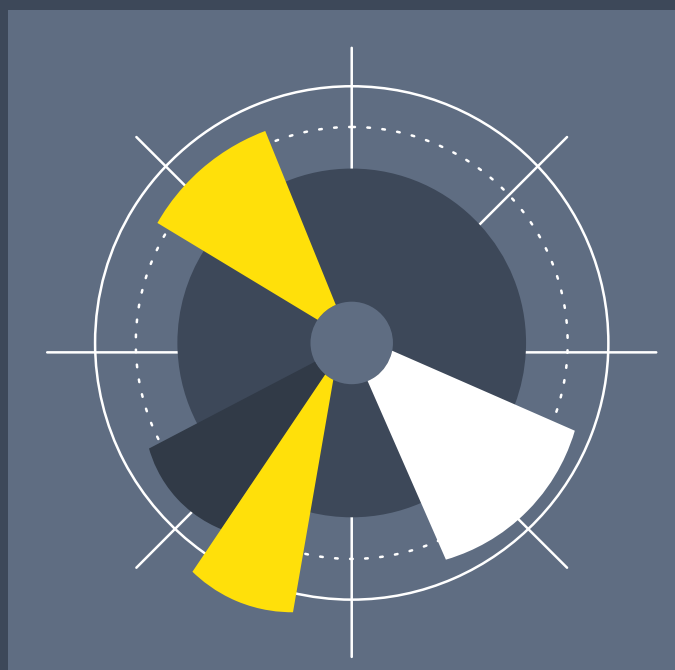

ЦИФРОВОЕ НАСИЛИЕ:

НОВЫЕ ФОРМЫ УГРОЗ И ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Мнения и оценки, изложенные в данной публикации, принадлежат исключительно автору и не отражают официальную позицию или взгляды CAPS Unlock либо каких-либо организаций, с которыми автор аффилирован. Публикация данного материала не означает одобрения содержащихся в нем анализа, выводов или рекомендаций.

ОФ «Сивикс» выражает особую благодарность координаторке исследования и научной редакторке: Жылдыз Тегизбековой, PhD, профессор права Университета Нархоз (Казахстан), доцент Международного университета «Ала-Тоо» (Кыргызская Республика), международный эксперт в области цифрового права, защиты персональных данных и регулирования искусственного интеллекта.

Аббревиатура

КР	Кыргызская Республика
РК	Республика Казахстан
ООН	Организация Объединённых Наций
СЕ	Совет Европы
ОБСЕ	Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ЕС	Европейский Союз
ЕСПЧ	Европейский суд по правам человека
ИИ	Искусственный интеллект
ИКТ	Информационно-коммуникационные технологии
МВД	Министерство внутренних дел
НПО	Неправительственная организация
УК КР	Уголовный кодекс Кыргызской Республики
УК РК	Уголовный кодекс Республики Казахстан
МРП	Месячный расчётный показатель
ЮНФПА	Фонд ООН в области народонаселения
ЮНИСЕФ	Детский фонд ООН
ГА ООН	Генеральная Ассамблея ООН
ГАЗПД	Государственное агентство по защите персональных данных при Кабинете Министров Кыргызской Республики
МЦР КР	Министерство цифрового развития Кыргызской Республики
ст.	статья
г.	год
№	номер
т.е.	то есть
т.п.	тому подобное
др.	другие

Структура исследования

Введение	6
Раздел I. Международные подходы и практика	10
1.1. Международные нормы и механизмы защиты прав в цифровой среде	11
1.2. Обзор международных подходов	12
1.2.1. Международное закрепление и судебная практика	12
1.2.2. Виды цифрового насилия	14
1.3. Практики Казахстана в борьбе с цифровым насилием (сравнительный анализ с Кыргызской Республикой)	15
1.3.1. Законодательные и институциональные меры в Казахстане	15
1.3.2. Судебная практика Республики Казахстан	16
1.3.3. Сопоставительный анализ: Казахстан и Кыргызская Республика	19
1.4. Промежуточные выводы	19
Раздел II. Цифровое насилие и государственная политика в Кыргызской Республике: национальные институты, стратегии и правовые рамки	21
2.1. Цифровое насилие в системе цифровой и социальной политики: обоснование межсекторального подхода	22
2.2. Законодательная база: правовое описание насилия в законодательстве Кыргызской Республики и квалификация его цифровых форм	23
2.2.1. Кибербуллинг и травля	25
2.2.2. Доксинг и утечки персональных данных	26
2.2.3. Киберсталкинг и навязчивое цифровое преследование	26
2.2.4. Сексторшн (сексуальный шантаж), угрозы распространения интимных материалов ...	27
2.2.5. Распространение интимных изображений и «интимная месть»	28
2.2.6. Дипфейки и «насилие на основе изображений» с применением ИИ	28
2.3. Национальные стратегии и программы: цифровизация, безопасность, гендерные и социальные меры	29
2.3.1. Цифровой кодекс	30
2.3.2. Национальный обзор по реализации Пекинской декларации и Платформы действий (Пекин+30)	31
2.3.3. Национальная стратегия гендерного равенства до 2030	32
2.3.4. Концепция цифровой трансформации (2024–2028)	32
2.4. Государственные институты и распределение полномочий в сфере цифрового насилия	32
2.4.1. Кибербезопасность: инфраструктурный мандат без охвата цифрового насилия	33

2.4.2. Защита от семейного насилия: потенциальный мост к цифровому измерению	34
2.4.3. Образование: ведомственное признание кибербуллинга без правовой квалификации ..	35
2.4.4. Контентное регулирование: административные механизмы без правозащитной ориентации	35
2.4.5. Институт Акыйкатчы (Омбудсмен): правозащитная функция без исполнительного мандата	36
2.5. Интервью с государственными органами: что работает и где система останавливается	37
Раздел III. Правоприменительная практика и доступ к защите	40
3.1. Восприятие цифрового насилия правоохранительной и судебной системой	41
3.2. Анализ законодательства Кыргызской Республики. Ответственность и действующие правовые механизмы	42
3.3. Документированные случаи из правоприменительной практики	45
3.3.1. Случаи из открытых публикаций в средствах массовой информации	47
3.4. Анализ интервью с представителями МВД и адвокатского корпуса	49
3.5. Технические, процедурные и институциональные барьеры	51
3.6. Роль НПО, адвокатов и гражданского сектора в защите пострадавших	53
Раздел IV. Общественное восприятие цифрового насилия и уязвимые группы	56
4.1. Методология	57
4.2. Основные результаты: распространённость, формы и платформы	58
4.3. Реагирование, последствия и уязвимые группы	61
4.4. Промежуточные выводы	66
Раздел V. Системные пробелы институционального реагирования: четырех уровневый подход	67
5.1. Нормативный разрыв: отсутствие правовой дефиниции и специальных составов	68
5.2. Институциональный дефицит: разрозненные органы без координации	69
5.3. Правоприменительный разрыв: случаи и интервью как свидетельство системной неэффективности	69
5.4. Социальный разрыв: данные опроса как отражение институциональной неэффективности ..	70
5.5. Взаимодействие уровней: механизм взаимного усиления дефицитов	71
5.6. Цифровое насилие как межсекторальная проблема прав человека	72
Заключение	74
Список литературы	78

Введение

По данным социологического опроса, охватившего 1 070 студентов из всех регионов Кыргызстана, каждый пятый опрошенный сталкивался с цифровым насилием. Лишь 8,5% пострадавших обратились за защитой к государственным органам, 42% не рассказали о произошедшем никому. В 65% случаев агрессор не понёс какой-либо ответственности. Цифровая трансформация открыла широкие возможности для образования, экономики и общественного участия и одновременно породила новые риски для прав человека. Одним из наиболее значимых стало цифровое насилие: действия с использованием ИКТ, причиняющие психологический, репутационный, социальный и экономический вред.

Особенностью цифрового насилия является его трансграничный, анонимный и зачастую непрерывный характер, что существенно осложняет выявление правонарушителей, сбор доказательств и применение механизмов правовой защиты. В отличие от традиционных форм насилия, цифровое воздействие может сохраняться длительное время, быстро распространяться и усиливать последствия для пострадавших за счёт публичности и масштабируемости цифровой среды.

Международные исследования подтверждают высокий уровень распространённости цифрового насилия и его непропорциональное воздействие на женщин, молодёжь и другие уязвимые группы населения.¹ Вместе с тем данная проблема приобретает всё большую актуальность и в Кыргызской Республике, где уровень цифровизации общества, активное использование социальных сетей и рост онлайн-коммуникации сопровождаются увеличением случаев кибербуллинга, цифрового преследования, распространения персональных данных без согласия, онлайн-домогательств² и иных форм цифровой агрессии.

Результаты социологического опроса 1 070 студентов из всех регионов Кыргызстана показывают: цифровое насилие уже не редкий инцидент, а распространённая социальная реальность. Каждый пятый респондент сталкивался хотя бы с одной из его форм. Данные независимого исследования Таалим-Форума и Университета Гамбурга (2 096 респондентов, 2026) это подтверждают: почти каждый второй молодой человек наблюдал проявления киберненависти, а 15–18% сталкивались с ней регулярно.³ При этом значительная часть пострадавших не воспринимает произошедшее как серьёзное нарушение своих прав и не обращается за защитой, несмотря на наличие выраженных психологических, эмоциональных и поведенческих последствий. Данная тенденция свидетельствует о существующем разрыве между масштабом проблемы, уровнем её общественного осознания и эффективностью действующих механизмов реагирования.

¹ Структура «ООН-женщины». (2025). Цифровое насилие усиливается, однако почти половина женщин и девочек в мире не имеют правовой защиты от цифрового насилия, доступно по ссылке: <https://www.unwomen.org/en/news-stories/press-release/2025/11/digital-violence-is-intensifying-yet-nearly-half-of-the-worlds-women-and-girls-lack-legal-protection-from-digital-abuse>

² Интернет-травля из колонии: как женщину спасли от попытки суицида, доступно по ссылке: https://24.kg/proisshestviya/364858_internet-travlya_izkolonii_kak_jenschinu_spasli_otpopytiki_suitsida/

³ Вызовы онлайн-агрессии среди подростков и молодежи в Кыргызстане. Аналитическая записка 2026, доступно по ссылке: <https://www.taalimforum.kg/projects/digital-hate-project-ru>

Несмотря на наличие отдельных правовых норм, регулирующих смежные вопросы защиты персональных данных, кибербезопасности, неприкосновенности частной жизни и уголовной ответственности за отдельные формы цифровых правонарушений, цифровое насилие в Кыргызской Республике до настоящего времени не сформировано как самостоятельная категория правового регулирования. Отсутствие единых правовых определений, специализированных процедур реагирования и институционально выстроенной системы защиты существенно снижает эффективность правоприменительной практики и ограничивает доступ пострадавших к защите. При этом сама эта фрагментарность не случайность, а структурный результат того, что цифровое насилие до сих пор не признано самостоятельной правовой категорией.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа существующих правовых, институциональных и социальных механизмов реагирования на цифровое насилие, а также выявления ключевых барьеров, препятствующих эффективной защите пострадавших.

Регулирование цифрового насилия в Кыргызской Республике носит фрагментарный характер: несмотря на наличие отдельных правовых норм, институциональных механизмов и элементов правоприменительной практики, они не формируют целостной и функционально связанной системы защиты прав человека в цифровой среде. Иными словами, проблема заключается не в полном отсутствии правового реагирования, а в отсутствии системной интеграции существующих механизмов.

Фрагментарность регулирования проявляется одновременно на четырёх взаимосвязанных уровнях, каждый из которых усиливает следующий:

Во-первых, на нормативном уровне отсутствует единая правовая концептуализация цифрового насилия как самостоятельного объекта регулирования. Действующее законодательство охватывает лишь отдельные проявления цифрового насилия через смежные правовые институты (защита персональных данных, неприкосновенность частной жизни, клевета, угрозы, информационная безопасность), однако не предусматривает комплексного правового режима, учитывающего специфику цифровой среды: анонимность, трансграничность, масштабируемость и устойчивость цифрового воздействия.

Во-вторых, на институциональном уровне государственная политика в данной сфере остается разрозненной. Компетенции между различными государственными органами распределены фрагментарно, а вопросы цифрового насилия рассматриваются преимущественно в рамках иных политико-правовых направлений как кибербезопасности, семейного насилия, защиты детей или цифровизации. Это препятствует формированию единой стратегии предупреждения, выявления и реагирования.

В-третьих, на уровне правоприменительной практики выявляется отсутствие устойчивых процедур квалификации, расследования и доказывания цифровых форм насилия. Правоохранительные органы и судебная система вынуждены адаптировать традиционные правовые механизмы к новым цифровым реалиям, что приводит к непоследовательности практики, процессуальным трудностям и снижению эффективности защиты пострадавших.

В-четвертых, на социальном уровне наблюдается низкий уровень доверия к существующим механизмам защиты. Эмпирические данные исследования показывают, что значительная часть пострадавших либо не идентифицирует цифровое насилие как нарушение своих прав, либо не обращается за защитой, что свидетельствует о разрыве между формальным существованием правовых механизмов и их фактической доступностью.

Именно взаимодействие этих четырёх уровней, а не наличие отдельных пробелов определяет масштаб проблемы и задаёт логику необходимых реформ.

Структура исследования последовательно разворачивает этот тезис: Раздел I — международные стандарты как ориентир; Раздел II — национальная политика и её пробелы; Раздел III — правоприменение и его барьеры; Раздел IV — общественное восприятие и дефицит доверия; Раздел V — синтез всех четырёх уровней в единую аналитическую модель.

Таким образом, совокупность полученных выводов позволяет сделать более широкий теоретико-практический вывод: проблема цифрового насилия в Кыргызской Республике представляет собой не частный правовой пробел, а системный институциональный дефицит. Это означает необходимость перехода от реактивного и точечного регулирования к интегрированной модели защиты, основанной на нормативной определенности, межведомственной координации, специализированной правоприменительной практике и доступных механизмах защиты прав личности в цифровой среде.

Этот переход является необходимым условием адаптации национальной правовой системы к современным цифровым рискам и обеспечения реальной, а не формальной защиты прав человека в условиях цифровой трансформации. В 2025–2026 годах в Кыргызстане созданы редкие предпосылки для реформы: принят Цифровой кодекс, Министерство юстиции инициировало законопроект о цифровых доказательствах, запущена горячая линия 5200, Казахстан создал региональный прецедент специального законодательства. Настоящее исследование призвано обеспечить доказательную базу для реализации имеющегося потенциала реформирования.

Целью настоящего исследования является анализ регулирования и практики реагирования на цифровое насилие в Кыргызской Республике, выявление системных пробелов и выработка практических рекомендаций, адресованных законодателям, правоохранительным органам, гражданскому обществу и международным партнёрам.

В рамках исследования рассматриваются следующие ключевые вопросы:

1. как регулируется цифровое насилие на уровне законодательства и государственной политики;
2. насколько эффективно действующие механизмы защиты применяются на практике;
3. с какими барьерами сталкиваются пострадавшие и правоприменители;
4. как цифровое насилие воспринимается обществом;
5. какие меры необходимы для повышения эффективности защиты.

Методология исследования

Настоящее исследование основывается на комплексной методологической базе, сочетающей несколько взаимодополняющих подходов, что обусловлено многоаспектным характером исследуемой проблемы.

1. Доктринальный правовой анализ: Основным методом правовой части исследования является доктринальный анализ действующего законодательства Кыргызской Республики: уголовного кодекса, кодекса о правонарушениях, Цифрового кодекса, законодательства о семейном насилии, кибербезопасности и защите персональных данных. Анализируются также международные договоры, резолюции и судебная практика международных инстанций (ЕСПЧ). Данный метод позволяет определить как действующие правовые механизмы, так и нормативные пробелы в регулировании цифрового насилия.

2. Сравнительно-правовой метод: В качестве основного объекта сравнительного анализа выбрана Республика Казахстан наиболее релевантный ориентир для Кыргызской Республики ввиду схожести правовых систем (постсоветское законодательство), культурного контекста и позиции лидера цифрового развития в Центральноазиатском регионе. Кроме того, рассматривается опыт Молдовы, Канады и Бразилии как примеры различных моделей криминализации цифрового насилия в качестве иллюстративных примеров, без углублённого сравнительного разбора, а также практика ЕСПЧ как нормативный ориентир для оценки позитивных обязательств государства.

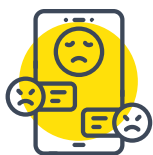
3. Эмпирические методы: Социологический опрос охватил 1 070 студентов высших учебных заведений Кыргызской Республики (онлайн-формат, двуязычная анкета). Полуструктурированные интервью и анкети-

рование проводились с сотрудниками территориальных подразделений МВД, практикующими адвокатами и юристами. Медиа-анализ публикаций в открытых источниках (24.kg, kaktus.media, ombudsman.kg и др.) позволил верифицировать и дополнить правоприменительную картину документированными случаями.

4. Ограничения исследования: Необходимо учитывать ряд методологических ограничений: ограниченный доступ к судебной практике по делам о цифровом насилии ввиду отсутствия отдельного учёта таких дел; недостаток официальной государственной статистики по данной категории правонарушений; гендерный дисбаланс выборки в опросе (72,3% женщин), обусловленный более высокой вовлечённостью женщин в данную тематику; использование медийных источников наряду с академическими, что типично для исследований в области публичной политики, однако требует критической оценки. Эти ограничения не ставят под сомнение выводы исследования напротив, часть из них (отсутствие государственной статистики, ограниченный доступ к судебной практике) сами по себе являются индикаторами системного дефицита, который исследование документирует.

Терминологическая база исследования

В настоящем исследовании используется ряд понятий, которые в академической и правовой литературе нередко смешиваются или применяются взаимозаменяемо. В целях терминологической ясности ниже приводится концептуальное разграничение ключевых категорий.

Цифровое насилие – родовое (umbrella) понятие, охватывающее любые умышленные действия с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), которые причиняют или способны причинить психологический, репутационный, социальный или экономический вред. Используется в настоящем исследовании как основная категория анализа.

Онлайн-насилие / кибернасилие – синонимичные термины, применяемые в части международных документов и медиадискурса; в настоящем исследовании используются как эквивалентные понятию «цифровое насилие».

Кибербуллинг – одна из конкретных форм цифрового насилия, выражающаяся в систематической травле, оскорблениях и унижении в цифровой среде. Термин имеет более узкое значение, чем «цифровое насилие», и используется в исследовании применительно к данной конкретной форме.

Гендерно-обусловленное цифровое насилие (TFGBV – Technology-facilitated gender-based violence) – подвид цифрового насилия, направленного против лица по признаку пола или гендерной идентичности. Данная категория охватывает онлайн-домогательства, дипфейк-порно, онлайн-гrooming и иные формы, непропорционально затрагивающие женщин и небинарных лиц.

Киберпреследование (киберсталкинг) – отдельная форма цифрового насилия, выражающаяся в навязчивом и систематическом преследовании лица с использованием ИКТ, включая слежку, отслеживание местоположения и запугивание.

Системный институциональный дефицит – аналитическая категория настоящего исследования, описывающая ситуацию, при которой проблема цифрового насилия не может быть решена посредством точечного правового регулирования, поскольку требует скоординированного ответа на нормативном, институциональном, правоприменительном и социальном уровнях одновременно.

Раздел I.

Международные подходы
и практика

Раздел I. Международные подходы и практика

Международные стандарты защиты от цифрового насилия уже сформированы. Этот раздел показывает, что именно они предписывают — и где именно Кыргызская Республика пока не достигает этой планки.

1.1. Международные нормы и механизмы защиты прав в цифровой среде

На международном уровне сформировался многоуровневый подход к защите прав человека в цифровой среде, в котором участвуют ключевые глобальные и региональные организации, такие как Организация Объединенных Наций (ООН), Совет Европы (СЕ) и Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ).

Организация Объединенных Наций играет центральную роль в формировании глобальных норм. Хотя универсального договора, посвященного исключительно цифровому насилию, пока не существует, ряд документов и механизмов закладывает основу для его предотвращения и пресечения. Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, в частности резолюция о «праве на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху», подтверждают, что права человека должны одинаково защищаться как офлайн, так и онлайн.⁴ Специальный докладчик ООН по вопросу о насилии в отношении женщин, его причинах и последствиях регулярно включает в свои доклады анализ гендерного насилия в цифровой среде, призывая государства к принятию конкретных мер.⁵

Совет Европы (СЕ), как ведущая правозащитная организация в Европе, разработал ряд ключевых инструментов. Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Стамбульская конвенция) является наиболее полным международным договором в этой области.⁶ Хотя она прямо не упоминает термин «цифровое насилие», ее мониторинговый орган (GREVIO) последовательно интерпретирует ее положения, включая психологическое насилие и преследование, как применимые к деяниям, совершаемым онлайн. Кроме того, Конвенция о киберпреступности (Будапештская конвенция) предоставляет основу для гармонизации национальных законодательств в сфере борьбы с преступлениями, совершаемыми через компьютерные сети. Недавняя Директива (ЕС) 2024/1385 о борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием стала важным шагом на уровне ЕС, криминализируя такие формы цифрового насилия, как киберсталкинг, киберхарассмент и несанкционированное распространение интимных изображений⁷.

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) также уделяет значительное внимание вопросам безопасности в цифровом пространстве. В своих решениях, например, в Решении Совета министров № 7/09 «Участие женщин в политической и общественной жизни», ОБСЕ подчеркивает необходимость обеспечения безопасности женщин, в том числе онлайн. Осознавая специфические риски, с которыми сталкиваются определенные профессиональные группы, ОБСЕ в 2023 году опубликовала «Руководящие принципы по мониторингу онлайн-насилия в отношении женщин-журналистов», предлагая практические инструменты для выявления и документирования таких случаев⁸.

⁴ Резолюция «Право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху», принята Генеральной Ассамблеей ООН (например, A/RES/68/167 от 18 декабря 2013 года; последующие обновляющие резолюции).

⁵ Доклад Специального докладчика ООН по вопросу о насилии в отношении женщин, его причинах и последствиях относительно сетевого насилия в отношении женщин и девочек в ракурсе прав человека, A/HRC/38/47 (2018), доступно по ссылке: <https://undocs.org/ru/A/HRC/38/47>

⁶ Совет Европы, «Защита женщин и девочек от насилия в цифровую эпоху. Значение Стамбульской конвенции и Будапештской конвенции о компьютерных преступлениях для борьбы с насилием в отношении женщин, осуществляемым с применением интернета и современных технологий» (2021), доступно по ссылке: <https://rm.coe.int/prems-153621-gbr-2574-study-online-a4-bat-web/1680a4cc44>

⁷ Совет Европы. (2024). Директива (ЕС) 2024/1385 о борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье, доступно по ссылке: <https://www.coe.int/en/web/cyberviolence/initiatives-policies-strategies>

⁸ ОБСЕ. (2023). Руководство по мониторингу онлайн-насилия в отношении женщин-журналисток, доступно по ссылке: https://www.osce.org/files/f/documents/b/0/554098_1.pdf

Ниже представлен сводный обзор ключевых международных инструментов и их применимости к цифровому насилию:

Таблица 1.1. Международные подходы к противодействию цифровому насилию

Организация	Ключевые документы и механизмы	Фокус в отношении цифрового насилия
ООН	Резолюции ГА, ⁹ доклады Спецдокладчиков, ¹⁰ проект Конвенции о киберпреступности ¹¹	Защита права на частную жизнь, гендерное насилие, защита жертв киберпреступлений
Совет Европы	Стамбульская конвенция, ¹² Будапештская конвенция, ¹³ Директива ЕС 2024/1385 ¹⁴	Психологическое насилие, преследование, киберсталкинг, несанкционированное распространение материалов
ОБСЕ	Решения Совета министров, ¹⁵ Руководящие принципы ¹⁶	Безопасность женщин в общественной жизни, защита журналистов

1.2. Обзор международных подходов

1.2.1. Международное закрепление и судебная практика

Для целей настоящего сравнительного анализа были отобраны три национальных юрисдикции: Республика Молдова, Канада и Бразилия, а также практика Европейского суда по правам человека. Основным объектом сравнительного анализа является Кыргызская Республика как страна с постсоветским правовым наследием, с активно развивающейся цифровой инфраструктурой и пробелами в регулировании онлайн-насилия. Выбор указанных юрисдикций обусловлен тем, что каждая из них представляет принципиально различную модель правового реагирования на цифровое насилие: прямую законодательную криминализацию, расширение существующих норм через судебную практику и оперативное исполнительное регулирование. Совокупность этих моделей позволяет определить наиболее реалистичный и эффективный путь для Кыргызской Республики с учётом её институциональных возможностей.¹⁷

Республика Молдова приняла один из первых комплексных законов, направленных на борьбу с цифровым насилием, официально криминализовав ряд его форм, включая онлайн-преследование (сталкинг) и другие виды злоупотреблений в цифровой среде.¹⁸ Этот законодательный шаг стал важным прецедентом в сфере защиты женщин и девочек, поскольку впервые закрепил уголовную ответственность за насилие,

⁹ Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединённых Наций 15 декабря 2022 г. «Право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху» (A/RES/77/211), доступно по ссылке: <https://docs.un.org/ru/A/RES/77/211>

¹⁰ Доклад Специального докладчика ООН по вопросу о насилии в отношении женщин, его причинах и последствиях относительно сетевого насилия в отношении женщин и девочек в ракурсе прав человека, A/HRC/38/47 (2018), доступно по ссылке: <https://undocs.org/ru/A/HRC/38/47>

¹¹ Специальный комитет ООН по разработке конвенции о киберпреступности, доступно по ссылке: https://www.unodc.org/unodc/en/cybercrime/ad_hoc_committee/home

¹² Стамбульская конвенция (Конвенция о предупреждении насилия в отношении женщин и насилия в семье и борьбе с ним), доступно по ссылке: <https://www.coe.int/en/web/istanbul-convention>

¹³ Будапештская конвенция о киберпреступности, доступно по ссылке: <https://www.coe.int/en/web/cybercrime/the-budapest-convention>

¹⁴ Директива ЕС 2024/1385 о борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием, доступно по ссылке: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2024/1385/oj/eng>

¹⁵ Решения Совета министров ОБСЕ, доступно по ссылке: <https://www.osce.org/ministerial-councils>

¹⁶ Руководящие принципы ОБСЕ по гендерному равенству и безопасности, доступно по ссылке: <https://odihr.osce.org/sites/default/files/f/documents/9/1/582571.pdf>

¹⁷ Структура «ООН-женщины Молдовы». (2025). Молдова вводит уголовную ответственность за цифровое насилие, доступно по ссылке: <https://www.unwomen.org/en/news-stories/feature-story/2025/11/moldova-criminalizes-digital-violence-landmark-law-protects-women-from-stalking-and-online-abuse>

¹⁸ Структура «ООН-женщины Молдовы». (2025). Молдова вводит уголовную ответственность за цифровое насилие, доступно по ссылке: <https://www.unwomen.org/en/news-stories/feature-story/2025/11/moldova-criminalizes-digital-violence-landmark-law-protects-women-from-stalking-and-online-abuse>

совершаемое в цифровой среде, и признал необходимость специальной правовой защиты от онлайн-угроз и домогательств. Опыт Молдовы особенно релевантен для Кыргызской Республики: обе страны имеют постсоветское правовое наследие и схожий уровень цифровизации. Ключевой вывод: прямая законодательная криминализация форм цифрового насилия возможна в короткие сроки при наличии политической воли, без длительной доктринальной реформы всей правовой системы.

В Канаде суд официально признал кибербуллинг формой семейного насилия, что позволило применять защитные предписания в цифровой среде.¹⁹ По материалам дела, рассмотренного Ontario Superior Court of Justice (Luke's Place, 2026), суд квалифицировал систематическую онлайн-кампанию преследования, включая публикацию персональных данных, распространение ложных обвинений и запугивание через соцсети, как форму психологического давления и контроля в рамках семейного насилия. Ключевой вывод: кибербуллинг как форма психологического контроля может квалифицироваться в рамках уже существующего законодательства о семейном насилии без принятия отдельного закона. Это создаёт прецедент применения защитных предписаний в цифровой среде.

В Бразилии наряду с криминализацией мизогинии развивается комплексный подход к регулированию цифрового пространства.²⁰ Законодательные инициативы направлены на противодействие организованным формам онлайн-насилия, включая координированные кампании травли, распространение персональных данных без согласия (doxing), а также создание и распространение оскорбительного или сексуализированного контента с использованием технологий искусственного интеллекта. Несмотря на отсутствие отдельного нормативного акта, прямо регулирующего так называемую "red pill"-идеологию,²¹ на уровне государственной политики прослеживается тенденция к признанию подобных цифровых практик как форм насилия, способных причинять значительный вред правам и свободам человека и, соответственно, требующих правового реагирования. Ключевой вывод: бразильский опыт демонстрирует, что регулирование вреда, причинённого с использованием технологий искусственного интеллекта (AI-generated harm), возможно через декрет исполнительной власти — это значительно быстрее, чем полноценный законодательный процесс, и особенно актуально для Кыргызской Республики в условиях стремительного распространения ИИ-инструментов.

В практике Европейского суда по правам человека дело Володина против России стало важным прецедентом в сфере защиты от цифрового и гендерно обусловленного насилия. В деле Володина против России суд подчеркнул, что киберпреследование является нарушением права на частную жизнь и требует активной защиты со стороны государства.²² Тем самым ЕСПЧ прямо подчеркнул, что киберпреследование и цифровое насилие могут посягать на частную жизнь человека, а государства обязаны обеспечивать активную и эффективную защиту жертв, включая расследование, пресечение и предотвращение подобных действий. Ключевой вывод для Кыргызской Республики: дело Володина против России подтверждает, что цифровое насилие и киберпреследование являются формами нарушения права на частную жизнь и требуют эффективного реагирования со стороны государства. Для Кыргызской Республики данная практика выступает важным сравнительно-правовым ориентиром в вопросах защиты жертв цифрового насилия. Государство следует обеспечивать не только формальное наличие правовых норм, но и реальные механизмы предупреждения, расследования и пресечения таких деяний.

¹⁹ В доме Люка. (2026). Краткое изложение дела: Киберзапугивание признано семейным насилием, доступно по ссылке: <https://lukesplace.ca/case-summary-cyberbullying-recognized-as-family-violence/>

²⁰ Бразилия: Декрет о борьбе с женоненавистничеством в социальных сетях запрещает использование искусственного интеллекта для создания интимного контента с участием женщин, доступно по ссылке: https://www.business-humanrights.org/en/latest-news/brazil-decree-to-combat-misogyny-on-social-media-prohibits-the-use-of-ai-to-produce-intimate-content-involving-women/?utm_source=

²¹ Террор «Красных таблеток» захлестывает Бразилию, поскольку женоненавистничество, подпитываемое SNS, провоцирует насилие в реальном мире, доступно по ссылке: https://en.sedaily.com/international/2026/04/12/red-pill-terror-sweeps-brazil-as-sns-fueled-misogyny-sparks?utm_source=

²² Решение Европейского суда по правам человека, Третья секция, по делу Володина против России (№ 2), жалоба № 40419/19, 14 сентября 2021 г., доступно по ссылке: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-211794>

Таблица 1.2. Международные правовые механизмы защиты от онлайн-насилия: сравнительный обзор

Страна / инстанция	Модель	Ключевой инструмент	Урок для Кыргызской Республики
Молдова	Прямая криминализация	Отдельный закон об онлайн-насилии	Возможна быстрая криминализация при наличии политической воли
Канада	Расширение существующих норм	Судебный прецедент	Не нужен отдельный закон — достаточно расширительного толкования
Бразилия	Исполнительное регулирование	Декрет против ИИ-контента	Быстрое реагирование на новые угрозы через декрет исполнительной власти
ЕСПЧ	Позитивные обязательства	Доктрина due diligence	Государство обязано активно защищать жертв цифрового насилия

1.2.2. Виды цифрового насилия

Классификация видов цифрового насилия необходима для точной юридической квалификации:

Таблица 1.3. Основные формы цифрового насилия и их проявления

Вид насилия	Описание	Примеры
Кибербуллинг	Систематическая травля, оскорбления и унижение достоинства в сети	Массовая отправка оскорбительных комментариев под постами жертвы, создание хейт-групп в Telegram
Киберсталкинг	Навязчивое преследование, слежка через GPS-трекеры или шпионское ПО	Использование программ-шпионов (stalkerware) для чтения переписки партнера или отслеживания его местоположения
Доксинг	Сбор и публикация личных данных (адрес, телефон) без согласия жертвы	Публикация домашнего адреса и номера телефона активистки в открытом доступе с призывом к расправе
Киберфлэшинг	Рассылка непристойных или сексуализированных изображений (дипфейков и иных материалов) без согласия получателя	Отправка интимных фото незнакомым людям через AirDrop в общественном транспорте или в личные сообщения
Сексторшн	Шантаж с угрозой распространения интимных фото или видео	Требование денег или новых интимных материалов под угрозой рассылки существующих фото родственникам жертвы
Дипфейк-порно	Создание поддельных интимных материалов с помощью ИИ для дискредитации	Наложение лица известной журналистки на видео порнографического содержания с целью разрушения ее репутации
Онлайн-грумминг	Установление доверительных отношений с ребенком для последующей эксплуатации	Взрослый выдает себя за сверстника в онлайн-игре, чтобы войти в доверие к ребенку и склонить его к встрече

1.3. Практики Казахстана в борьбе с цифровым насилием

(сравнительный анализ с Кыргызской Республикой)

1.3.1. Законодательные и институциональные меры в Казахстане

В 2026 году, объявленном в Казахстане Годом цифровизации и искусственного интеллекта, страна демонстрирует лидирующие позиции в Центральной Азии по уровню цифрового развития. Казахстан занимает первое место в регионе по уровню интернет-проникновения, скорости подключения и активности пользователей в социальных сетях.

По последним данным, доступ к интернету имеют 93,4% населения страны, что свидетельствует о высокой степени цифровой вовлеченности общества.²³ Существенным показателем является и качество интернет-соединения: медианная скорость мобильного интернета в ноябре 2025 года, согласно данным Ookla, достигла 93,1 Мбит/с. Этот показатель является самым высоким в Центральной Азии и лишь незначительно уступает среднемировому уровню, составляющему около 103 Мбит/с.

Кроме того, Казахстан характеризуется высокой активностью пользователей в социальных сетях. Доля пользователей социальных платформ составляет 80,8% населения, что значительно превышает как средние показатели по региону Центральной Азии, так и глобальные значения.

Таким образом, Казахстан не только обладает развитой цифровой инфраструктурой, но и демонстрирует высокий уровень интеграции цифровых технологий в повседневную жизнь общества, что создает как новые возможности, так и дополнительные вызовы, включая риски, связанные с цифровой безопасностью и онлайн-насилием.

Республика Казахстан демонстрирует проактивный подход к криминализации цифрового насилия, став одной из первых стран в Центральной Азии, внедрившей специализированные нормы в свое законодательство. Этот шаг является важным прецедентом для региона и заслуживает детального изучения.

Ключевым нововведением стало вступление в силу с января 2025 года поправок в законодательство, направленных на борьбу с травлей (буллинг), в том числе в киберпространстве. Одновременно в Кодекс об административных правонарушениях была добавлена статья 127-2, предусматривающая административную ответственность в виде штрафа в размере 10 месячных расчетных показателей (МРП) за буллинг и кибербуллинг несовершеннолетних.²⁴ Для сравнения: в Кыргызстане аналогичный правовой механизм до настоящего времени не закреплён, несмотря на то что уровень проникновения интернета в стране достиг 98%, что превышает соответствующий показатель Казахстана на момент принятия указанной нормы.

Кроме того, в Закон РК «О масс-медиа» была внесена статья 40, которая регламентирует порядок подачи и рассмотрения заявлений по фактам кибербуллинга в отношении ребенка, обязывая уполномоченные органы реагировать на такие случаи.²⁵ Эти законодательные изменения создали правовую базу для защиты граждан, особенно детей, от онлайн-агрессии. Статистика правоохранительных органов Казахстана показывает устойчивый рост регистрируемых правонарушений в семейно-бытовой сфере (74,3 тысячи в 2024 году), и эксперты отмечают, что значительная часть этих конфликтов сопровождается или переходит в цифровое пространство, что подтверждает актуальность принятых мер.²⁶

²³ Цифровая активность Казахстана в Центральной Азии: каковы позиции страны?, доступно по ссылке: <https://ranking.kz/reviews/world/tsifrovaya-aktivnost-kazahstana-v-tsentralnoy-azii-kakovy-pozitsii-strany.html>

²⁴ Кодекс Об административных правонарушениях Республики Казахстан от 5 июля 2014 года № 235-V ЗРК., доступно по ссылке: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235>

²⁵ Закон О масс-медиа Республики Казахстан от 19 июня 2024 года № 93-VIII ЗРК., доступно по ссылке: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2400000093>

²⁶ Ranking.kz. (2025). Как изменился уровень бытового насилия в Казахстане, доступно по ссылке: <https://ranking.kz/reviews/socium/menshe-terpet-chasche-rasskazyvat-kak-izmenilsya-uroven-bytovogo-nasiliya-v-kazahstane.html>

Как отмечает профессор А. К. Кусаинова «Насилие над детьми в интернете проявляется в разных формах: кибербуллинг, онлайн-груминг, сексторция и распространение CSAM. В этих условиях возникает насущная потребность в системной защите детей в виртуальной среде, включая использование искусственного интеллекта (ИИ) как инструмента профилактики».²⁷

Также исследователь А. А. Нукушева указывает на «размытость» определения кибербуллинга в ст. 147-2 УК РК, что создает риски вольной трактовки и сложности в доказывании системности действий²⁸.

Цифровые права всё чаще оказываются под давлением: от утечек персональных данных до атак на онлайн-ресурсы.²⁹ Чтобы зафиксировать эти процессы и понять масштаб проблем, Правовой медиа-центр подготовил мониторинг цифровых прав в Казахстане за август 2025 — январь 2026 года. В документе собраны ключевые инциденты и тенденции, сгруппированные по тематическим разделам, включая свободу выражения мнения в интернете, защиту персональных данных, кибербезопасность и правовое регулирование цифровой среды. Среди наиболее показательных случаев отмечаются массовая утечка данных около 16 миллионов граждан,³⁰ атаки на независимые медиа в частности DDoS-атаки на сайт интернет-журнала Власть,³¹ а также давление на журналистов и блогеров в онлайн-пространстве, включая задержание блогера Мирболат Мырзатайулы и удаление аккаунтов журналистов Вадим Бореико и Асхат Ниязов в социальных сетях.³²

1.3.2. Судебная практика Республики Казахстан

Важную роль в формировании правоприменительной практики играет также разъяснительная деятельность судебных органов. 26 февраля 2026 года Верховный суд Республики Казахстан принял нормативное постановление по делам о преступлениях против детей, в котором были уточнены ключевые понятия, используемые при квалификации правонарушений в цифровой среде.³³ В частности, было конкретизировано понятие кибергруминга — установления взрослым доверительных отношений с ребенком (в том числе с членами его семьи) с целью последующего склонения к сексуальным отношениям.

До принятия данного разъяснения правоохранительным органам было сложно квалифицировать подобные случаи, поскольку цифровые формы давления и манипуляции не всегда подпадали под традиционные нормы уголовного законодательства. Нормативное постановление закрепило единый подход к квалификации таких действий и подтвердило, что кибергруминг рассматривается как противоправное поведение в интернете и может повлечь уголовную ответственность. За подобные действия предусмотрено наказание в виде ареста до 50 суток. По мнению экспертов, введение четкой понятийной базы позволяет унифицировать правоприменительную практику и дает следователям и судьям более ясные ориентиры при рассмотрении подобных дел.

²⁷ Кусаинова А. К. (2024). Искусственный интеллект как инструмент профилактики насилия над детьми в виртуальном пространстве. Университет Нархоз.

²⁸ Нукушева А. А. (2024). Сравнительно-правовой анализ законодательства по противодействию кибербуллингу. Вестник Института законодательства РК, доступно по ссылке: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelno-pravovoy-analiz-zakonodatelstva-po-protivodeystviyu-kiberbullingu>

²⁹ Мониторинг цифровых прав: август 2025 — январь 2026 года, доступно по ссылке: <https://lmc.kz/monitoring-czifrovyyh-prav-avgust-2025-yanvar-2026-goda/>

³⁰ там же.

³¹ там же.

³² там же.

³³ Верховный суд принял постановление по делам о преступлениях против половой неприкосновенности человека. В проекте разъясняются ключевые понятия и термины, необходимые для правильной квалификации уголовных правонарушений, доступно по ссылке: https://www.kt.kz/rus/state/verhovnyy_sud_prinyal_postanovlenie_po_delam_o_1377988415.html

Несмотря на новизну норм, в Казахстане уже формируется судебная практика:

Так, в Астане суд рассмотрел дело о кибербуллинге несовершеннолетней, которая подвергалась оскорблениям и унижению в WhatsApp-чате одноклассников.³⁴ Суд взыскал компенсацию морального вреда в 200 тыс. тенге, признав, что систематические оскорбления в мессенджере причинили психологический вред, прецедент признания онлайн-травли формой возмещаемого вреда.

В Алматы два российских блогера были арестованы на 15 суток за оскорбительные высказывания в прямом эфире в адрес казахстанских девушек.³⁵ Им предъявлено обвинение в мелком хулиганстве, возбуждено уголовное расследование по статье о разжигании межнациональной розни. Случай демонстрирует, что оскорбительные высказывания в цифровой среде могут повлечь как административную, так и уголовную ответственность.

В отличие от Казахстана, в законодательстве Кыргызской Республики на данный момент отсутствует специальное юридическое определение «цифрового насилия» или «кибербуллинга». Это создает значительный правовой пробел (лакуну), который затрудняет квалификацию таких деяний и привлечение виновных к ответственности. Согласно глоссарию по гендерному насилию с использованием технологий, опубликованному ЮНФПА в Кыргызстане в 2025 году, правоприменители вынуждены использовать общие статьи Уголовного кодекса, которые не всегда отражают специфику киберпреступлений.³⁶

Актуальность данной проблемы усиливается на фоне стремительной цифровизации страны. В Кыргызской Республике уровень проникновения интернета достиг 98%, число активных пользователей сети с 2020 по 2024 год выросло с 5,4 до 7,1 миллиона человек. Такая высокая степень цифровой вовлеченности объективно расширяет пространство для онлайн-агрессии, делая проблему не только социальной, но и правовой.³⁷ Это подтверждается исследованием «Таалим-Форума» (2025): почти каждый второй молодой человек в Кыргызской Республике наблюдал проявления киберненависти, а 15–18% сталкивались с ней регулярно. Для Кыргызской Республики наиболее точным и инклюзивным термином является «Гендерное насилие с использованием технологий» (или «Цифровое гендерное насилие»). В отличие от термина «кибербуллинг», который в общественном сознании часто ограничен школьной средой, данная терминология охватывает насилие в отношении взрослых женщин, журналисток и активисток, что подтверждается рекомендациями ЮНФПА.³⁸

На практике для борьбы с цифровым насилием могут применяться следующие статьи УК КР³⁹: Статья 161 «Распространение предметов порнографического характера» и статья 160-1 «Организация или содержание вебкам-студий»: могут применяться в случаях распространения интимных изображений без согласия. Статья 190 «Нарушение неприкосновенности частной жизни» и статья 193 «Нарушение тайны переписки, телефонных и иных переговоров»: могут использоваться для защиты от доксинга и несанкционированного доступа к личным данным.

³⁴ Жительница столицы отсудила 200 тыс. тенге за кибербуллинг своей дочери, доступно по ссылке: https://www.inform.kz/ru/zhitel-nica-stolitsy-otsudila-200-tys-tenge-za-kiberbulling-svoey-docheri_a3927687?utm_source

³⁵ В Алматы двух российских блогеров арестовали на 15 суток: оскорбили девушек, доступно по ссылке: https://24.kg/proisshestviya/361640_vnbspalmatyi_dvuh_rossiyskih_blogerov_arestovali_nanbsp15nbpsutok_oskorbili_devushek/

³⁶ UNFPA Kyrgyzstan. (2025). Гендерное насилие с использованием технологий: Глоссарий, доступно по ссылке: https://kyrgyzstan.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/2025-11/Глоссарий_гендерное%20насилие%20с%20использованием%20технологий_0.pdf

³⁷ Итоги 5 лет: уровень проникновения интернета в Кыргызстане достиг 98 процентов, доступно по ссылке: https://24.kg/tehnoblog/364416_itogi_5let_uroven_proniknoveniya_interneta_vkyrgyzstan

³⁸ UNFPA Kyrgyzstan. (2025). Гендерное насилие с использованием технологий: Глоссарий, доступно по ссылке: https://kyrgyzstan.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/2025-11/Глоссарий_гендерное%20насилие%20с%20использованием%20технологий_0.pdf

³⁹ Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 127 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2026 г.), доступно по ссылке: <https://cbd.minjust.gov.kg/3-38/edition/2087/ru>

Однако эти статьи не охватывают всего спектра проявлений цифрового насилия, таких как троллинг, киберсталкинг или разжигание ненависти. Закон Кыргызской Республики «Об охране и защите от семейного насилия»⁴⁰ включает понятие «психологического насилия», которое теоретически может охватывать и цифровые формы, но на практике его применение в онлайн-контексте затруднено из-за сложностей со сбором доказательств и отсутствия четких методик расследования.

Статистические данные по Кыргызской Республике вызывают серьёзную обеспокоенность. Исследования показывают, что 42% опрошенных женщин в стране сталкивались с той или иной формой цифрового насилия. Особенно уязвимой группой являются женщины-журналистки и активистки, более 60% из которых подвергаются систематической онлайн-травле.⁴¹ Это свидетельствует о том, что существующие правовые механизмы не всегда обеспечивают эффективную и достаточную защиту.

1.3.3. Сопоставительный анализ: Казахстан и Кыргызская Республика

Казахстан одним из первых в регионе внедрил специализированные нормы в уголовном и административном праве, направленные на борьбу с кибербуллинг, онлайн-грумингом и иными формами цифрового преследования. Это свидетельствует о переходе от фрагментарного регулирования к системному признанию цифрового насилия как самостоятельной правовой категории.

⁴⁰ Закон Кыргызской Республики от 27 апреля 2017 года № 63 Об охране и защите от семейного насилия Принят Жогорку Кенешем Кыргызской Республики 16 марта 2017 года, доступно по ссылке: <https://learningpartnership.org/sites/default/files/resources/pdfs/Kyrgyzstan-VAW-Prevention-Law-2017-Russian.pdf>

⁴¹ New Reporter. (2025). Как журналистки в Кыргызстане подвергаются кибербуллингу, доступно по ссылке: <https://newreporter.org/2025/10/10/kak-zhurnalistki-v-tsentralnoj-azii-podvergayutsya-kiberbullingu/>

Практика показывает, что даже прогрессивное законодательство требует регулярного обновления. Быстрое развитие цифровых технологий порождает новые формы насилия, которые не всегда охватываются существующими формулировками. Гибкость и адаптивность правовых норм становятся ключевым условием их эффективности.

Казахстан демонстрирует перспективность применения ИИ-инструментов для мониторинга онлайн-пространства, выявления рисков и раннего предупреждения цифровых угроз, особенно в отношении детей и подростков. При этом ключевым вызовом остается баланс между обеспечением безопасности и защитой права на приватность.

Появление судебных решений по делам о цифровом насилии подтверждает практическую применимость новых правовых механизмов и способствует выработке единых подходов к квалификации правонарушений и защите жертв.

Системное внедрение медиаграмотности, цифровой этики и навыков безопасного поведения в интернете в образовательные программы рассматривается как ключевой инструмент долгосрочного снижения уровня цифрового насилия.

1.4. Промежуточные выводы

Проведённый анализ международных и региональных подходов показывает, что цифровое насилие постепенно признаётся самостоятельной формой нарушения прав человека, требующей комплексного правового и институционального регулирования. Международные организации как ООН, ОБСЕ и СЕ выработали базовые стандарты, согласно которым права человека должны одинаково защищаться как в офлайн, так и в онлайн среде. Современная международная практика демонстрирует тенденцию к расширению традиционных механизмов защиты прав человека на цифровое пространство, включая признание киберсталкинга, онлайн-преследования, доксинга и распространения интимных материалов без согласия формами психологического и гендерно обусловленного насилия.

Исследование показывает, что наиболее эффективными являются модели, основанные не только на уголовно-правовых мерах, но и на сочетании профилактики, цифровой грамотности, институционального реагирования и межведомственного взаимодействия. Международный опыт подтверждает, что борьба с цифровым насилием требует участия не только правоохранительных органов, но и образовательных учреждений, IT-платформ, судебной системы и гражданского общества.

Сравнительный анализ практики Республики Казахстан и Кыргызской Республики демонстрирует существенное различие в уровне нормативного развития. Казахстан уже перешёл к этапу институционального признания цифрового насилия через внедрение специальных норм о кибербуллинге, онлайн-груминге и цифровом преследовании, а также начал формировать судебную практику по данной категории дел. Вместе с тем даже казахстанская модель сталкивается с рядом трудностей: размытость отдельных правовых формулировок, проблемы доказывания системности онлайн-преследования, недостаточная определённость понятийного аппарата и необходимость постоянной адаптации законодательства к новым технологиям, включая искусственный интеллект и дипфейк-контент.

В Кыргызской Республике проблема носит более системный характер. Несмотря на высокий уровень цифровизации общества и рост числа случаев онлайн-агрессии, национальное законодательство не содержит самостоятельного определения цифрового насилия, кибербуллинга или киберсталкинга. Действующие нормы уголовного законодательства применяются фрагментарно и не учитывают специфику цифровой

среды. Это приводит к нескольким ключевым пробелам:

Во-первых, отсутствует специальная правовая квалификация большинства форм цифрового насилия. Такие деяния, как кибербуллинг, онлайн-преследование, троллинг, распространение дипфейков фактически остаются вне полноценного правового регулирования.

Во-вторых, сохраняется институциональный пробел, связанный с отсутствием специализированных подразделений, методик расследования и механизмов оперативного реагирования на цифровое насилие. Правоохранительные органы и суды зачастую не обладают достаточными техническими знаниями для работы с цифровыми доказательствами.

В-третьих, недостаточно развиты профилактические механизмы. В образовательной системе отсутствует системная подготовка по цифровой этике, онлайн-безопасности и противодействию цифровому насилию, особенно среди детей и подростков.

В-четвёртых, практически отсутствует единая статистика и государственный мониторинг цифрового насилия. Это существенно затрудняет оценку масштабов проблемы и разработку эффективной государственной политики

Наконец, отдельным пробелом является отсутствие комплексного подхода к защите наиболее уязвимых групп: женщин, журналистов, правозащитников и несовершеннолетних, которые чаще всего становятся объектами онлайн-агрессии и цифрового преследования.

Таким образом, проведённый анализ подтверждает центральный вывод исследования: в Кыргызской Республике регулирование цифрового насилия остаётся фрагментарным и несистемным. Международные стандарты и региональный опыт уже демонстрируют существование эффективных моделей правового реагирования, однако национальная система пока не адаптировала данные подходы в полном объёме. Это обуславливает необходимость дальнейшего совершенствования законодательства, институциональных механизмов и правоприменительной практики в сфере защиты прав человека в цифровой среде. Таким образом, международный уровень не оставляет Кыргызстану выбора в вопросе «реформировать или нет» — он задаёт вопрос «когда и как». Ответ на этот вопрос формируется в следующих разделах.

В этой связи возникает необходимость рассматривать цифровое насилие не исключительно как отдельное правонарушение, а как межсекторальное явление, находящееся на пересечении цифровой трансформации, гендерной политики, образования, кибербезопасности и защиты прав человека. Именно поэтому дальнейший анализ требует перехода от международных подходов к исследованию национальной модели регулирования в Кыргызской Республике — её институтов, стратегий, законодательных механизмов и практики реагирования на цифровое насилие.

Раздел II.

Цифровое насилие
и государственная
политика в Кыргызской
Республике: национальные
институты, стратегии
и правовые рамки

Раздел II. Цифровое насилие и государственная политика в Кыргызской Республике: национальные институты, стратегии и правовые рамки

Проведённый анализ свидетельствует о том, что государственная политика реагирует на цифровое насилие не как на самостоятельную проблему, требующую специального регулирования, а как на производный элемент иных политических направлений.

2.1. Цифровое насилие в системе цифровой и социальной политики: обоснование межсекторального подхода

Цифровое насилие в Кыргызской Республике проявляется не только как частный конфликт в интернете, но и как явление на стыке цифровой трансформации, гендерной политики, образования, защиты детей, информационной/кибербезопасности и прав человека. Ключевой аргумент для государственного анализа здесь состоит в том, что цифровое насилие непосредственно связано с инфраструктурой и институтами: оно усиливается вместе с ростом цифровых сервисов, платформенной коммуникации и зависимостью граждан от цифровых идентификаторов и онлайн-среды, а последствия (психологический вред, репутационные потери, самоцензура, риски офлайн-эскалации) становятся социальной проблемой и фактором уязвимости групп населения. Это подтверждается выводами исследования подготовленного при участии института омбудсмана и партнёров, где онлайн-насилие описывается как имеющее выраженный гендерный характер и включающее угрозы, оскорбления, шантаж и распространение интимных материалов без согласия, а также как фактор, который может «перетекать» в офлайн-насилие.⁴²

Важно, что в государственной «цифровой» повестке постепенно фиксируются новые технологические риски, которые напрямую связаны с цифровым насилием. В частности, в Цифровом кодексе Кыргызской Республики среди базовых понятий закреплено определение «дипфейка», а также есть специальные требования раскрывать информацию о применении отдельных видов систем искусственного интеллекта, включая использование ИИ для создания дипфейков.⁴³

Вопрос обсуждался ранее, но преимущественно фрагментарно и в разных отдельных направлениях государственной политики (гендерное и семейное насилие, противодействие языку вражды и защита свободы выражения, киберпреступность, образование). Наиболее явно тему «онлайн-насилия» в связке с правами женщин и девочек институционализировал институт омбудсмана (Акыйкатчы), который совместно с НПО провел исследование об онлайн-насилии и языке вражды, отдельно отмечая роль соцсетей как площадок доминирования/унижения и проблему «культуры замалчивания».⁴⁴

Отдельным каналом «социальной политики» выступает школьная среда: введение правил по использованию мобильных устройств в общеобразовательных организациях и создание механизмов противодействия кибербуллингу фиксируют признание риска на уровне образования, даже если правовая квалификация «кибербуллинга» как состава правонарушения остается неочевидной.⁴⁵

⁴² Исследование онлайн-насилия и языка вражды в интернет пространстве kg с фокусом на женщин и девочек, доступно по ссылке: https://preventionmedia.org/wp-content/uploads/2025/05/%D0%92%D0%BB%D0%B8%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%B0-%D0%B2%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D1%8B-%D0%B2-%D0%BE%D0%BD%D0%BB%D0%B0%D0%B9%D0%BD-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5-%D0%BD%D0%B0-%D0%B4%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D1%87%D0%B5%D0%BA-%D0%B8-%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D1%89%D0%B8%D0%BD_2023.pdf

⁴³ Цифровой кодекс Кыргызской Республики от 31 июля 2025 года № 178 Принят Жогорку Кенешем Кыргызской Республики 18 июня 2025 года, доступно по ссылке: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=168581

⁴⁴ Как бороться с онлайн-насилием в отношении женщин и детей, 13/09/2023, доступно по ссылке: <https://ombudsman.kg/ru/publications/kak-borotsya-s-onlayn-nasiliem-v-otnoshenii-zhenshchin-i-detey>

⁴⁵ Закон Кыргызской Республики от 23 июня 2025 года № 123 О регулировании пользования мобильными устройствами в общеобразовательных организациях, доступно по ссылке: <https://cbd.minjust.gov.kg/230029099/edition/34245/ru>

Таким образом, цифровое насилие в Кыргызской Республике постепенно выходит за рамки исключительно частного или «сетевого» конфликта и начинает рассматриваться как проблема цифрового управления, социальной уязвимости и прав человека. Однако даже при признании технологических рисков государственная политика пока не формирует единой модели защиты личности в цифровой среде, а распределяет проблему между различными секторами: образованием, гендерной политикой, кибербезопасностью и цифровизацией.

2.2. Законодательная база: правовое описание насилия в законодательстве Кыргызской Республики и квалификация его цифровых форм

В праве Кыргызской Республики ключевая «общая» рамка, где насилие концептуализируется как социальная проблема, закон об охране и защите от семейного насилия.⁴⁶ Он прямо включает не только физическое воздействие, но и психологическое и экономическое насилие, а также угрозу таких действий. Важно, что психологическое насилие в законе включает умышленное унижение чести и достоинства, принуждение к правонарушениям/опасным деяниям, а также «ограничение совершеннолетних лиц в праве на общение» формулировка, которая может функционально пересекаться с цифровыми практиками контроля (например, запреты коммуникации, мониторинг переписок), но без прямого упоминания цифровых средств.⁴⁷

При этом термин «цифровое насилие» как юридическая категория в базовых нормативных текстах не закреплён: в определениях семейного насилия речь идет о типах насилия (физическое/психологическое/экономическое), а в Цифровом кодексе о категориях данных, сервисов, идентичности и ИИ-рисках (например, дипфейки), но не о «насилии» как отдельном цифровом деликте.⁴⁸

Покрывание цифрового насилия «традиционными» нормами происходит через несколько блоков:

Во-первых, защита частной жизни и коммуникаций в Уголовном кодексе. Норма о нарушении неприкосновенности частной жизни охватывает незаконные сбор, хранение, использование и распространение конфиденциальной информации о частной жизни без согласия, а также квалифицирует более строгое деяние при злоупотреблении служебным положением или применении специальных технических средств. Это частично применимо к некоторым формам доксинга/публикации интимных материалов, но требует доказывания состава и статуса «конфиденциальной информации».⁴⁹

Во-вторых, «тайна переписки» прямо включает электронные сообщения, передаваемые средствами связи или с использованием компьютера. Эта норма релевантна практикам незаконного доступа к переписке партнера/жертвы, взлому аккаунтов с чтением сообщений и т.п.⁵⁰

В-третьих, есть отдельный состав о несанкционированном доступе к компьютерной информации и электронным документам (при наступлении последствий и значительного вреда), что потенциально применимо к взлому устройств/аккаунтов как инструменту цифрового контроля и преследования.⁵¹

В-четвертых, угрозы и шантаж. В Уголовном кодексе зафиксированы нормы об угрозе применения насилия, опасного для жизни и здоровья, а также дано определение «шантаж» как угрозы, включая угрозу

⁴⁶ Закон Кыргызской Республики от 27 апреля 2017 года № 63 Об охране и защите от семейного насилия Принят Жогорку Кенешем Кыргызской Республики 16 марта 2017 года, доступно по ссылке: <https://learningpartnership.org/sites/default/files/resources/pdfs/Kyrgyzstan-VAW-Prevention-Law-2017-Russian.pdf>

⁴⁷ Закон Кыргызской Республики от 27 апреля 2017 года № 63 Об охране и защите от семейного насилия Принят Жогорку Кенешем Кыргызской Республики 16 марта 2017 года, доступно по ссылке: <https://learningpartnership.org/sites/default/files/resources/pdfs/Kyrgyzstan-VAW-Prevention-Law-2017-Russian.pdf>

⁴⁸ Закон Кыргызской Республики от 27 апреля 2017 года № 63 Об охране и защите от семейного насилия Принят Жогорку Кенешем Кыргызской Республики 16 марта 2017 года, доступно по ссылке: <https://learningpartnership.org/sites/default/files/resources/pdfs/Kyrgyzstan-VAW-Prevention-Law-2017-Russian.pdf>

⁴⁹ Уголовный Кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 127, доступно по ссылке: <https://cbd.minjust.gov.kg/112309/edition/14072/ru>

⁵⁰ там же.

⁵¹ там же.

разглашать сведения, которые потерпевший желает сохранить в тайне. Это создает точку входа для квалификации части случаев «сексторшена» (шантаж интимными материалами), однако практическая применимость зависит от доказывания и процессуальных механизмов фиксации цифровых доказательств.⁵²

Отдельный сдвиг в сторону регулирования онлайн-коммуникаций произошел через административное право. В Кодекс о правонарушениях введена статья 107-1 о клевете и оскорблении, совершенных в СМИ и в интернете (на сайте или странице сайта), с фиксированными штрафами для физических и юридических лиц. Это может использоваться как инструмент реагирования на часть видов онлайн-агрессии (оскорбления/репутационные атаки). Риски правоприменения и влияние на свободу выражения отмечались экспертным сообществом и в публичной критике.⁵³

Наконец, важным «техническим» фактором для цифрового насилия является состояние процессуальной базы. В начале 2026 года публично обсуждались инициативы по введению понятия «цифровые доказательства» и процедур их сбора/фиксации в уголовном процессе; аргументом называлась проблема признания цифровых данных недопустимыми доказательствами в суде. В контексте цифрового насилия это важно, поскольку случаи часто зависят от скриншотов, логов, данных платформ и электронной переписки.⁵⁴

Действующее законодательство Кыргызской Республики охватывает отдельные проявления цифрового насилия через уже существующие нормы о защите частной жизни, угрозах, клевете и незаконном доступе к информации. Однако регулирование остается реактивным и фрагментарным: цифровое насилие не признается самостоятельной правовой категорией, а специфика платформенной среды, алгоритмического распространения вреда и быстрого удаления контента практически не отражена в действующих механизмах защиты.

Ниже виды цифрового насилия описаны так, как они обычно фиксируются в международной и региональной практике мониторинга (кибербуллинг, доксинг, киберсталкинг, насилие на основе изображений и т. п.), а рядом как данные формы поведения квалифицируются в рамках действующего законодательства Кыргызской Республики (уголовным, административным, отраслевым), с указанием статей/ документов.

В системе базовых нормативных актов Кыргызской Республики отсутствует единая легальная дефиниция «цифрового насилия» как самостоятельной правовой категории. На практике соответствующие формы поведения регулируются через применение общих составов правонарушений и преступлений, предусмотренных действующим законодательством (нарушение права на неприкосновенность частной жизни, незаконный доступ к информации, угрозы, клевета и оскорбление и др.). Это проявляется в том, что нормы, потенциально применимые к случаям цифрового насилия, распределены между различными нормативными актами: Уголовным кодексом, Кодексом о правонарушениях, отраслевыми актами (в частности, в сфере образования), а также новыми нормами регулирования цифровой среды, включая Цифровой кодекс. При этом указанные положения не объединены в отдельную правовую конструкцию, прямо регулирующую цифровое насилие как самостоятельный вид правонарушения.⁵⁵

⁵² Там же.

⁵³ Кодекс Кыргызской Республики О Правонарушениях от 28 октября 2021 года № 128, доступно по ссылке: <https://cbd.minjust.gov.kg/3-36/edition/2102/ru>

⁵⁴ В КР хотят узаконить цифровые доказательства и арест криптоактивов, 30 января 2026, Бишкек - 24.kg, Түрдубек Айгыров, доступно по ссылке: https://24.kg/vlast/359986_vnbspknbnsphotyat_uzakonit_tsifrovyye_dokazatelstva_inbsparest_kriptoaktivov_/

⁵⁵ Уголовный Кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 127, доступно по ссылке: <https://mvd.gov.kg/rus/ministry/normative-bases/22>

Таблица 2.1 Основные формы цифрового насилия и их проявления.

Вид насилия	Статус в законодательстве Кыргызской Республики	Применимая правовая норма
Кибербуллинг	Частично — в образовании	Статья 107-1 КоП
Доксинг	Частично	Статья 193 УК
Сексторшн	Частично	Определение «шантажа» в УК
NCII	Не определен	Статья 190 УК (косвенно)
Дипфейки	Только прозрачность	Цифровой кодекс

2.2.1. Кибербуллинг и травля

В правоприменительной практике встречаются случаи систематических оскорблений, унижения и угроз в онлайн-среде, включая скоординированную групповую травлю (кибербуллинг) в социальных сетях, особенно среди подростков и в школьной среде.

В нормативных актах Кыргызской Республики термин «кибербуллинг» появляется прежде всего в ведомственном регулировании сферы образования. Так, приказ Министерства образования о профилактике буллинга и кибербуллинга прямо закрепляет задачу противодействия «кибербуллингу» и предусматривает для образовательных организаций систему профилактических и воспитательных мер.⁵⁶

Существующие правовые механизмы:

1. Если кибербуллинг выражается в оскорблениях/унижении достоинства или клевете в интернете, появляется административный «вход» через ст. 107-1 Кодекса о правонарушениях: она прямо охватывает оскорбление и клевету, если они содержатся в СМИ или на сайте/странице сайта в интернете, и устанавливает штрафы.⁵⁷

2. Если травля включает угрозы насилия, релевантна уголовная норма об угрозе применения насилия, опасного для жизни и здоровья (при наличии оснований опасаться реализации угрозы).⁵⁸

Как итог, кибербуллинг признан в образовательной политике, но как правовой состав не существует — это разрыв между профилактикой и защитой.

⁵⁶ Буллинг жана кибербуллингдин алдын алуу жөнүндө, доступно по ссылке: <https://edu.gov.kg/media/uploads/2024/11/01/mqjhbb.pdf>

⁵⁷ Кодекс Кыргызской Республики О Правонарушениях от 28 октября 2021 года № 128, доступно по ссылке: <https://cbd.minjust.gov.kg/3-36/edition/2102/ru>

⁵⁸ Уголовный Кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года №127 от 28 октября 2021 года № 127, доступно по ссылке: <https://mvd.gov.kg/rus/ministry/normative-bases/22>

2.2.2. Доксинг и утечки персональных данных

В правоприменительной практике встречаются случаи публикации персональных данных (доксинг), включая распространение номера телефона, адреса проживания, места работы или сведений о детях, с целью давления, преследования или провоцирования офлайн-эскалации.

Нормативная терминология и описательные конструкции. В правоприменительных определениях и законодательстве термин «доксинг» не закреплён. Однако соответствующие формы поведения прежде всего распространение персональных данных в целях давления или преследования, фактически отражены в исследовательских и публичных материалах, посвящённых контексту в Кыргызской Республики (см. раздел о медиадискурсе ниже).⁵⁹

Существующие правовые механизмы:

1. Уголовный кодекс, статья 190: «незаконные сбор, хранение, использование и распространение конфиденциальной информации о частной жизни человека без согласия» – базовая норма, которая часто функционально «покрывает» доксинг, если удаётся доказать конфиденциальный характер сведений и отсутствие согласия.
2. Цифровой кодекс создаёт более «цифровой» слой: он закрепляет режим персональных данных (в том числе принципы точности / минимизации / сроков хранения) и ряд обязанностей владельцев записей, включая требования по удалению персональных записей при определённых основаниях и регулирование специальных категорий персональных данных.
3. В Цифровом кодексе также описываются обязанности по уведомлениям об инцидентах (сроки 72/48 часов в фрагменте о сообщениях об инцидентах), что становится релевантным для ситуаций утечек пользовательских данных из сервисов.

Следовательно, защита от доксинга строится через режим персональных данных, но не учитывает его функцию как инструмента запугивания и офлайн-эскалации.

2.2.3. Киберсталкинг и навязчивое цифровое преследование

В правоприменительной практике встречаются случаи цифрового преследования (cyberstalking), включая слежку, систематические сообщения и звонки, контроль аккаунтов, перехват коммуникаций партнёра и наблюдение через цифровые средства связи.

Использование термина в аналитических и международных источниках. Понятие «онлайн-сталкинг» (или «онлайн-преследование») используется в кыргызстанских исследовательских материалах, а также в международных документах, включая повестку Пекин+30, где оно рассматривается как одна из форм технологически обусловленного насилия (см. ниже).⁶⁰

⁵⁹ Исследование онлайн-насилия и языка вражды в интернет пространстве с фокусом на женщин и девочек, доступно по ссылке: https://preventionmedia.org/wp-content/uploads/2025/05/%D0%92%D0%BB%D0%B8%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%B0-%D0%B2%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D1%8B-%D0%B2-%D0%BE%D0%BD%D0%BB%D0%B0%D0%B9%D0%BD-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5-%D0%BD%D0%B0-%D0%B4%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D1%87%D0%B5%D0%BA-%D0%B8-%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D1%89%D0%B8%D0%BD_2023.pdf

⁶⁰ Там же.

Существующие правовые механизмы:

1. Статья 193 Уголовного кодекса прямо включает электронные сообщения («почтовых, телеграфных, электронных... сообщений, передаваемых средствами связи или с использованием компьютера») – это «точка входа» для случаев незаконного доступа к переписке/перехвата.⁶¹
2. Статья 319 Уголовного кодекса («несанкционированный доступ к компьютерной информации и электронным документам...») применима, когда преследование опирается на взлом/доступ и повлекло вред/последствия, указанные в диспозиции.
3. В контексте семейного/партнёрского контроля важен функциональный мост к закону о семейном насилии: хотя цифровые средства прямо не названы, модель психологического насилия и запреты контактов в защитных механизмах (охранный ордер) логически могут включать цифровые контакты, если это фиксируется практикой исполнения запретов.⁶²

Таким образом, киберсталкинг частично охватывается через нормы о тайне переписки и несанкционированном доступе к информации, однако систематическое цифровое преследование и контроль не признаются самостоятельной формой насилия.

2.2.4. Сексторшн (сексуальный шантаж), угрозы распространения интимных материалов

В правоприменительной практике отмечаются случаи вымогательства и шантажа с использованием интимных материалов, включая угрозы их распространения, а также принуждение к совершению определённых действий посредством угрозы публичного раскрытия таких материалов.

Существующие правовые механизмы:

1. В самом Уголовном кодексе важна дефиниция «шантаж» в перечне терминов: среди вариантов прямо названа угроза «разгласить... сведения, которые потерпевший желает сохранить в тайне». Это именно тот механизм, который обычно лежит в основе сексторшна.⁶³
2. Дополнительно может быть задействована норма об угрозе применения насилия (если угроза выходит за рамки репутационного вреда и содержит угрозы насилия/изнасилования и т. п.).

Следовательно, сексторшн частично охватывается через нормы о шантаже и угрозах, однако законодательство не предусматривает специального механизма реагирования на цифровой сексуальный шантаж и защиту от повторного распространения материалов.

⁶¹ Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 127 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2026 г.), доступно по ссылке: <https://cbd.minjust.gov.kg/3-38/edition/2087/ru>

⁶² Закон Кыргызской Республики от 27 апреля 2017 года № 63 Об охране и защите от семейного насилия Принят Жогорку Кенешем Кыргызской Республики 16 марта 2017 года, доступно по ссылке: <https://learningpartnership.org/sites/default/files/resources/pdfs/Kyrgyzstan-VAW-Prevention-Law-2017-Russian.pdf>

⁶³ Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 127 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2026 г.), доступно по ссылке: <https://cbd.minjust.gov.kg/3-38/edition/2087/ru>

2.2.5. Распространение интимных изображений и «интимная месть»

В правоприменительной практике фиксируются случаи распространения интимных изображений без согласия лица, включая публикацию интимных фото- и видеоматериалов без согласия, в том числе полученных в контексте личных или ранее существовавших отношений.

Терминологическое употребление в исследовательских источниках. В аналитических материалах соответствующая практика обозначается как «интимная месть» и рассматривается как форма онлайн-насилия, связанная с неконсенсуальным распространением интимных изображений и причиняющая значительный психологический и репутационный вред.⁶⁴

Существующие правовые механизмы:

1. Статья 190 Уголовного кодекса (конфиденциальная информация о частной жизни) остаётся базовым механизмом, если интимные материалы рассматриваются как конфиденциальные сведения частной жизни и доказуемо отсутствие согласия.
2. Секторально-контентный регулятивный контур «порнографического контента» в 2024–2025 гг. заметно усиливался: административные нормы о распространении предметов порнографического характера и онлайн-участии в порнографических действиях прямо присутствуют в Кодексе о правонарушениях.⁶⁵
3. В 2025 году вводился и отдельный запрет на доступ к сайтам с порнографическим контентом в интернет-пространстве (контентная процедура блокировок). Это не тождественно «интимной мести», но показывает государственный тренд к быстрым механизмам ограничения доступа к сексуализированному контенту, где на практике могут возникать «пересечения» с удалением интимных материалов.⁶⁶

Как итог, неконсенсуальное распространение интимных изображений частично охватывается через защиту частной жизни, однако отсутствует специальный состав правонарушения и процедуры оперативного удаления такого контента.

2.2.6. Дипфейки и «насилие на основе изображений» с применением ИИ

В правоприменительной практике отмечаются случаи использования синтетически созданных или поддельных аудио, видео и визуальных материалов для унижения личности, репутационных атак, сексуализированного давления и шантажа.

Прямое закрепление в праве: принципиально новый элемент — дефиниция «дипфейка» в Цифровом кодексе: «создание или изменение изображений или аудио-, видеоматериалов... способных создать... ложное впечатление об их подлинности».

⁶⁴ Исследование онлайн-насилия и языка вражды в интернет-пространстве КГ с фокусом на женщин и девочек, доступно по ссылке: https://preventionmedia.org/wp-content/uploads/2025/05/%D0%92%D0%BB%D0%B8%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%B0-%D0%B2%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D1%8B-%D0%B2-%D0%BE%D0%BD%D0%BB%D0%B0%D0%B9%D0%BD-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5-%D0%BD%D0%B0-%D0%B4%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D1%87%D0%B5%D0%BA-%D0%B8-%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D1%89%D0%B8%D0%BD_2023.pdf

⁶⁵ Кодекс Кыргызской Республики О Правонарушениях от 28 октября 2021 года № 128, доступно по ссылке: <https://cbd.minjust.gov.kg/3-36/edition/2102/ru>

⁶⁶ Президент подписал закон о запрете на распространение порнографии в интернете, доступно по ссылке: https://kaktus.media/doc/528530_prezident_podpisal_zakon_o_zaprete_na_rasprostranenie_pOrnografii_v_internete.html

Механизм регулирования в Цифровом кодексе: для «отдельных видов систем искусственного интеллекта» предусмотрена обязанность раскрывать информацию о применении, включая случаи создания дипфейков (как элемент прозрачности/маркировки). Это ключевой сдвиг, но это именно обязанность раскрытия/уведомления, а не состав преступления.⁶⁷

Дипфейки — один из немногих видов технологически-обусловленного вреда, который прямо «увиден» в цифровом законодательстве; но он регулируется прежде всего через прозрачность/комплаенс, а не через уголовно-правовой запрет сексуализированных дипфейков или процедурное «срочное удаление».⁶⁸

Таким образом, государство впервые нормативно фиксирует саму технологию дипфейков, однако регулирование ограничивается требованиями прозрачности и уведомления. При этом законодательство пока не создает механизмов ответственности за сексуализированные дипфейки и не предусматривает специальных процедур защиты пострадавших.

Таким образом, дипфейки признаются цифровым законодательством и регулируются через требования прозрачности, однако ответственность за сексуализированные дипфейки и специальные меры защиты пострадавших отсутствуют.

2.3. Национальные стратегии и программы: цифровизация, безопасность, гендерные и социальные меры

Политическое поле, в котором государство могло бы «сшить» цифровую безопасность личности и права человека, складывается из нескольких параллельных линий.

Первый блок - цифровая трансформация государства. План мероприятий по реализации Концепции цифровой трансформации Кыргызской Республики на 2024–2028 годы утвержден распоряжением Кабинета Министров и задает инструментальную «дорожную карту» для реформы госуправления, автоматизации процессов и обмена данными, а также предусматривает внедрение отраслевых автоматизированных информационных систем с применением мер безопасности данных. На уровне принципов сама Концепция декларируется как ориентированная на интересы граждан и бизнеса и доступность цифровых сервисов; это задает рамку для включения в цифровизацию требований безопасной среды и защиты прав.

Второй блок - Цифровой кодекс как новая системная кодификация цифровых отношений.

Третий блок - кибербезопасность как государственная безопасность инфраструктуры. Закон «О кибербезопасности Кыргызской Республики» определяет цели единой системы кибербезопасности как защиту личности, общества и государства через обеспечение цифровой устойчивости информационной инфраструктуры, но прямо исключает из сферы регулирования «содержание информации», проходящей через инфраструктуру. Это представляет собой важную развилку: объектом кибербезопасности в действующем виде предстает устойчивость систем и инциденты (кибератаки, киберинциденты), а не контентные/социальные формы цифрового насилия (оскорбления, харассмент, травля). Закон при этом закрепляет принципы соблюдения прав и свобод человека и гражданина, а также соразмерности мер, что потенциально может служить «правозащитным ограничителем» при разработке подзаконных актов.⁶⁹

⁶⁷ Цифровой кодекс Кыргызской Республики от 31 июля 2025 года № 178 Принят Жогорку Кенешем Кыргызской Республики 18 июня 2025 года, доступно по ссылке: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=168581

⁶⁸ там же.

⁶⁹ Закон Кыргызской Республики «О кибербезопасности Кыргызской Республики» г. Бишкек, от 17 июля 2024 года № 121, доступно по ссылке: <https://cbd.minjust.gov.kg/4-5371/edition/13381/ru>

Четвертый блок - гендерная и социальная политика. В публичных материалах ПРООН национальная стратегия гендерного равенства до 2030 года описывается как рамка, признающая гендерное равенство ключевым фактором социального и экономического развития.⁷⁰

Однако именно цифровое измерение насилия (онлайн-насилие, киберсталкинг, распространение интимных материалов, дипфейки) чаще фиксируется не в «стратегических» госдокументах, а в исследованиях и правозащитных обзорах. Например, национальный обзор «Пекин+30» прямо упоминает онлайн-насилие и язык вражды в отношении женщин и девочек в интернет-пространстве Кыргызстана.⁷¹

В 2025 году была утверждена новая Национальная программа развития до 2030 года, которая юридически «заменяет» программу до 2026 года.⁷²

Следовательно, цифровое насилие присутствует в государственной политике преимущественно косвенно через повестку цифровизации, кибербезопасности и гендерного равенства. Однако отсутствие единой стратегической рамки приводит к тому, что проблема признается на уровне отдельных документов, но не институционализируется как самостоятельное направление государственной политики.

2.3.1. Цифровой кодекс

В Цифровом кодексе для темы цифрового насилия наиболее значимы три группы норм.

Первая группа - регулирование дипфейков и прозрачности ИИ. Кроме введения определения «дипфейкам» Кодекс определяет и устанавливает обязанность раскрывать информацию при использовании отдельных видов систем искусственного интеллекта, включая использование ИИ для дипфейков (с изъятиями для законных целей и при условии мер защиты прав затрагиваемых лиц). Это важный признак того, что государственная цифровая политика начинает «видеть» новый класс угроз, в том числе применимых к сексуализированному насилию на основе изображений и репутационным атакам.⁷³

Вторая - право на идентичность и управление цифровой идентификацией. Кодекс закрепляет право субъекта правоотношений в цифровой среде определять свою идентичность и описывает защиту права на идентичность (в том числе с запретом принуждения к идентификации, кроме случаев, установленных кодексом или законом). Эта рамка релевантна проблемам утечки данных, подмены личности, навязанных идентификаторов и принудительной деанонимизации, которые часто сопутствуют цифровому насилию (доксинг, травля, преследование).⁷⁴

Третья - персональные данные и их обработка. Кодекс вводит комплексные нормы о правовом регулировании обработки персональных данных и базовых принципах их обработки (законность, минимизация, точность и др.). Для цифрового насилия это важно потому, что утечка/распространение персональных данных нередко является ключевым механизмом причинения вреда (доксинг, преследование, «травля адресом/телефоном»).⁷⁵

⁷⁰ Справочная информация ПРООН: гендерное равенство 2025, 22 июля 2025, доступно по ссылке: <https://www.undp.org/ru/kyrgyzstan/publications/undp-fact-sheet-gender-equality-2025>

⁷¹ Пекин+30: Национальный обзор Кыргызской Республики по реализации Пекинской Декларации и Пекинской платформы действий, доступно по ссылке: <https://unece.org/sites/default/files/2024-08/Kyrgyzstan-Report-ru.pdf>

⁷² Указ Президента Кыргызской Республики от 5 июня 2025 года УП № 178 О Национальной программе развития Кыргызской Республики до 2030 года, доступно по ссылке: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=167422

⁷³ Цифровой кодекс Кыргызской Республики Принят Жогорку Кенешем Кыргызской Республики 18 июня 2025 года, доступно по ссылке: <https://dresilience.org/wp-content/uploads/2025/08/cifrovoyi-kodeks.pdf>

⁷⁴ Цифровой кодекс Кыргызской Республики от 31 июля 2025 года № 178 Принят Жогорку Кенешем Кыргызской Республики 18 июня 2025 года, доступно по ссылке: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=168581

⁷⁵ там же.

Несмотря на то, что Кодекс не создаёт «составов насилия», но задаёт режим данных, идентичности, ответственности в цифровой среде — это как раз то, через что многие формы вреда реализуются (утечки, подмены личности, принудительное раскрытие данных, дипфейки и т. д.).

Кодекс закрепляет определение дипфейка как создания/изменения изображений или аудио-/видеоматериалов, демонстрирующих значительное сходство с существующими лицами/объектами/событиями и способных создать у людей ложное впечатление об их подлинности.

В тексте кодекса имеются нормы о персональных данных (включая принципы точности, сроки хранения, и др.) и выделение специальных категорий персональных данных, куда прямо входят данные о здоровье, половой жизни и сексуальной ориентации, а также биометрические данные для цифровой идентификации. Есть и важный для жертв цифрового вреда механизм удаления: кодекс описывает обязанность владельца записей удалять персональные записи при наличии определённых оснований (например, когда данные больше не нужны для целей обработки или когда отозвано согласие и нет иной законной основы).

Отдельно процедурно значим блок про инциденты и уведомления (сроки и содержание уведомлений), что имеет прямое прикладное значение для случаев утечек данных (где жертвы сталкиваются с доксингом и последующим преследованием).

Цифровой кодекс закрепляет право на идентичность (в том числе право определять свою идентичность и выбирать идентификатор) и нормы о защите этого права; также предусмотрена возможность компенсации вреда при нарушении права на идентичность.

Для цифрового насилия это важно, как «правовая опора» против подмены аккаунтов, навязанных идентификаторов, «слияния» цифровых записей, которое делает человека уязвимым для преследования и атак.

Отметим, что кодекс регулирует «архитектуру», но не предоставляет механизмы «быстрого удаления» вредоносного контента. Кодекс по своей природе является рамочным цифровым правом: он даёт опоры для ответственности/комплаенса, но сам по себе не равен специализированной модели защиты от цифрового насилия (например, отдельной процедуре срочного удаления интимных изображений без согласия или отдельному составу за сексуализированные дипфейки). Отметим, что в Пекин+30 уже названы конкретные формы технологически-обусловленного насилия, а в законодательстве они чаще «вписываются» в общие нормы.

Следовательно, Цифровой кодекс создает нормативную инфраструктуру цифровых отношений и фиксирует отдельные технологические риски, однако не формирует автономного механизма защиты от цифрового насилия. Кодекс регулирует архитектуру цифровой среды, но не обеспечивает специализированных процедур защиты личности от цифрового вреда.

2.3.2. Национальный обзор по реализации Пекинской декларации и Платформы действий (Пекин+30)

Национальный обзор по реализации Пекинской декларации и Платформы действий (Пекин+30) по своей природе фиксирует, какие формы насилия государство признаёт как наиболее значимые и какие меры считает релевантными.

В Пекин+30 (июнь 2024) среди «форм гендерного насилия, которые рассматриваются как наиболее серьёзные проблемы» прямо перечислены «насилие..., которому способствуют технологии», с примерами:

сексуальные домогательства в интернете, онлайн-преследование, обмен интимными изображениями без согласия.

Также в другой части отчёта отмечается тема «онлайн-насилие и язык вражды в отношении женщин и девочек на интернет-пространстве КГ», как один из проблемных фокусов в гендерной политике.

Таким образом, Пекинская Платформа действий и национального обзора её реализации уже включает технологически-обусловленное насилие — пусть и как часть более широкого перечня, но с конкретными примерами форм.

2.3.3. Национальная стратегия гендерного равенства до 2030

В Национальной стратегии по достижению гендерного равенства до 2030 года цифровые элементы упоминаются скорее как инструменты (например, использование возможностей цифровизации/онлайн-форматов для образования и просвещения, а также развитие государственных слуг на цифровых технологиях с учётом гендерного измерения).⁷⁶

При этом в стратегии отсутствует явное закрепление «онлайн-насилия / киберсталкинга / распространения интимных изображений без согласия/ дипфейков» как отдельного направления политики.

Стратегия до 2030 года признаёт проблему гендерного насилия в целом и использует цифровизацию как инструмент политики, но технологически-обусловленное насилие формально артикулировано сильнее в отчётности Пекин+30, чем в самой стратегии.

2.3.4. Концепция цифровой трансформации (2024–2028)

В Концепции цифровой трансформации (2024–2028) базовый принцип «главенство интересов гражданина и бизнеса» и ориентация на доступные цифровые сервисы, а цифровые институты (данные, взаимодействие, инфраструктура) описываются как основа качества жизни. План мероприятий к Концепции содержит практические меры по «цифровой криминалистике», киберрасследованиям, обучению этике взаимодействия в онлайн-среде и созданию центра кибербезопасности для защиты цифровых ресурсов государства и граждан.

С точки зрения цифрового насилия, Концепция содержит «окно встраивания», поскольку включает инструменты, которые могут стать инфраструктурой реагирования (цифровая криминалистика, обучение и т. п.).⁷⁷

2.4. Государственные институты и распределение полномочий в сфере цифрового насилия

Если законодательство определяет что регулируется, то институциональная архитектура определяет *кто* несёт за это ответственность. Применительно к цифровому насилию ответ на этот вопрос в Кыргызской Республике остаётся принципиально неопределённым: соответствующие полномочия распределены между несколькими государственными органами по различным ведомственным основаниям, однако ни один

⁷⁶ Национальная Стратегия Кыргызской Республики по достижению гендерного равенства до 2030 года, доступно по ссылке: <https://shailoo.gov.kg/media/azamat/2023/01/27/2030.pdf>

⁷⁷ Утвержден распоряжением Кабинета Министров Кыргызской Республики от 23.07.2024 г. № 444-р, доступно по ссылке: <https://digital.gov.kg/wp-content/uploads/2024/06/plan-meropriyatij-po-realizaczii-konczepczii-czifrovoj-transformaczii-kyrgyzskoj-respubliki-na-2024%E2%80%932028-gody.pdf>

из них не обладает целостным и специализированным мандатом именно в данной сфере. Ниже последовательно рассматриваются четыре институциональных блока, в рамках которых цифровое насилие так или иначе присутствует в качестве сопутствующей либо смежной проблемы.

Таблица 2.2. Институциональная архитектура реагирования на цифровое насилие в Кыргызской Республике

Государственный орган	Основной мандат	Отношение к цифровому насилию
МВД КР	Правоохранительная деятельность, реагирование на преступления и правонарушения	Прямое: приём заявлений, расследование угроз, шантажа, нарушений частной жизни
Министерство цифрового развития КР	Цифровизация государственного управления, информационная и кибербезопасность	Косвенное: кибербезопасность инфраструктуры; цифровое насилие как контентная угроза не входит в мандат
Государственное агентство по защите персональных данных	Контроль соблюдения законодательства о персональных данных	Частичное: реагирование на утечки, доксинг, незаконное распространение персональных данных
Министерство труда, социального обеспечения и миграции	Координация политики по семейному и гендерному насилию, социальная защита	Косвенное: цифровое насилие как элемент гендерного насилия; профилактика, поддержка пострадавших
Министерство образования и науки КР	Регулирование образовательной среды	Ограниченное: противодействие кибербуллингу в школьной среде на уровне ведомственных актов
Министерство культуры, информации, спорта и молодёжной политики КР	Регулирование информационного пространства, контентный контроль	Административное: механизм удаления недостоверной информации; блокировка вредоносного контента
Институт Акыйкатчы (Омбудсмен)	Защита прав человека, мониторинг, правозащитные исследования	Правозащитное: публичная артикуляция проблемы, исследования онлайн-насилия, рекомендации госорганам

Составлено авторами на основе анализа действующего законодательства Кыргызской Республики.

2.4.1. Кибербезопасность: инфраструктурный мандат без охвата цифрового насилия

В сфере кибербезопасности Закон Кыргызской Республики «О кибербезопасности» закрепляет разграничение полномочий между тремя ключевыми субъектами.⁷⁸ Кабинет Министров обеспечивает разработку и контроль государственной политики в данной сфере. Уполномоченный орган в сфере национальной безопасности осуществляет ведение реестра объектов критической информационной инфраструктуры и координирует международное взаимодействие по вопросам киберугроз. Министерство цифрового развития Кыргызской Республики выполняет функции уполномоченного государственного органа в области

⁷⁸ Закон Кыргызской Республики «О кибербезопасности Кыргызской Республики» от 17 июля 2024 года № 121. Доступно по ссылке: <https://cbd.minjust.gov.kg/4-5371/edition/13381/ru>

цифровизации: осуществляет мониторинг угроз, анализ ситуации и подготовку предложений в сфере информационной и кибербезопасности. Государственное агентство по защите персональных данных осуществляет контроль за соблюдением законодательства о персональных данных, включая рассмотрение жалоб граждан на незаконную обработку или распространение их персональных данных.

Принципиально важно, что Закон о кибербезопасности прямо исключает из сферы своего регулирования «содержание информации», распространяемой через цифровую инфраструктуру. Тем самым объектом кибербезопасности в действующем понимании выступают устойчивость информационных систем и инциденты технического характера, тогда как поведенческие и контентные формы цифрового насилия — онлайн-преследование, сексуализированный шантаж, доксинг, кибербуллинг остаются за рамками этого мандата. Закон, вместе с тем, закрепляет принципы соблюдения прав и свобод человека и соразмерности применяемых мер, что создаёт нормативную основу для учёта правозащитного измерения при разработке подзаконных актов.

2.4.2. Защита от семейного насилия: потенциальный мост к цифровому измерению

Закон Кыргызской Республики «Об охране и защите от семейного насилия» прямо распределяет обязанности между несколькими государственными институтами.⁷⁹ В числе субъектов охраны и защиты названы органы внутренних дел, органы социального развития, органы образования, уполномоченный орган по защите детей и Институт Акыйкатчы (Омбудсмен).

Ключевой блок полномочий по реагированию сосредоточен у органов внутренних дел: закон предусматривает их обязанности по приёму и регистрации заявлений, обеспечению мер безопасности пострадавших, выдаче и контролю исполнения охрannого ордера.⁸⁰ Существенно, что условия охрannого ордера включают запрет на «прямые и косвенные контакты» с пострадавшим. Данная формулировка, будучи применена на практике, теоретически охватывает и цифровые формы контакта переписку, звонки, взаимодействие в социальных сетях, однако конкретизация этого положения целиком зависит от правоприменительной практики и содержания выдаваемых охранных ордеров.

Органы социального развития несут системную роль: они участвуют в выявлении, регистрации и учёте случаев семейного насилия, мониторинге потребностей пострадавших и проведении информационно-просветительской работы.⁸¹ В контексте цифрового насилия этот мандат значим как институциональный «мост» к поддержке пострадавших психологической помощи, направлению в кризисные центры. Вместе с тем закон не предусматривает специального цифрового компонента такой поддержки, что ограничивает его применимость к случаям онлайн-насилия.

Министерство труда, социального обеспечения и миграции определено уполномоченным органом по координации в сфере охраны и защиты от семейного насилия.⁸² В рамках этого мандата министерство ведёт межведомственную координацию, осуществляет поддержку кризисных центров и реализует профилактические кампании. Вместе с тем прямого мандата в сфере цифрового насилия, как самостоятельной правовой категории с отдельными процедурами реагирования, данный орган не имеет. Цифровое насилие входит в сферу его деятельности не как специализированный правовой состав, а как часть потребностей пострадавших от гендерного насилия в целом.⁸³

⁷⁹ Закон Кыргызской Республики от 27 апреля 2017 года № 63 «Об охране и защите от семейного насилия». Доступно по ссылке: <https://learningpartnership.org/sites/default/files/resources/pdfs/Kyrgyzstan-VAW-Prevention-Law-2017-Russian.pdf>

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же.

⁸² Министерство труда и социального развития определено уполномоченным госорганом по координации охраны и защиты от семейного насилия. Доступно по ссылке: <https://www.gov.kg/ru/post/s/ministerstvo-truda-i-sotsialnogo-razvitiya-opredeleno-upolnomochennym-gosorganom-po-koordinatsii-po-okhrane-i-zashchite-ot-semeynogo-nasiliya>

⁸³ Там же.

Тем не менее практика последних лет свидетельствует о постепенной артикуляции цифровой проблематики в коммуникациях ведомства. В ноябре 2025 года в рамках кампании «16 дней против насилия» министерство отдельно акцентировало тему цифровой безопасности женщин и девочек,⁸⁴ что может рассматриваться как индикатор формирующегося институционального внимания к данному направлению.

2.4.3. Образование: ведомственное признание кибербуллинга без правовой квалификации

В сфере образования противодействие цифровому насилию регулируется преимущественно на уровне ведомственных актов. Приказ Министерства образования и науки Кыргызской Республики № 469 (сентябрь 2024 года) предусматривает создание в образовательных организациях комиссий и фокальных точек по защите от насилия и профилактике правонарушений, прямо включая в их задачи противодействие кибербуллингу.⁸⁵ Закон Кыргызской Республики от 23 июня 2025 года «О регулировании пользования мобильными устройствами в общеобразовательных организациях» закрепляет меры ограничительного характера, позиционируемые как защита учащихся от негативного цифрового воздействия.

Показательно, что именно в сфере образования термин «кибербуллинг» впервые получил нормативное закрепление в законодательстве Кыргызской Республики — пусть и на уровне ведомственного регулирования. Это свидетельствует о том, что институционализация понятийного аппарата цифрового насилия началась с образовательной политики. Вместе с тем данный мандат ограничен школьной средой и носит профилактический, а не правоохранный характер: он не создаёт правовых составов ответственности и не формирует механизмов защиты пострадавших за пределами образовательных организаций.

2.4.4. Контентное регулирование: административные механизмы без правозащитной ориентации

Отдельным институциональным контуром является административный механизм реагирования на распространение недостоверной (ложной) информации в интернете, функционирующий в рамках полномочий органа в сфере информации и массовых коммуникаций. Установленный порядок предусматривает, что лицо, в отношении которого распространена недостоверная информация, вправе первоначально обратиться к владельцу сайта с требованием об удалении в течение 24 часов, а в случае отказа подать заявление в уполномоченный орган. Конституционный суд Кыргызской Республики подтвердил соответствие данного механизма Конституции, квалифицировав предусмотренные процедуры, удаление информации, отказ в удалении, приостановление работы сайта, как законные действия уполномоченного органа.⁸⁶

В марте 2026 года был принят порядок приостановления и ограничения работы сайтов, распространяющих материалы порнографического характера.⁸⁷ Данный акт закрепляет административную процедуру выявления и блокировки соответствующих ресурсов, устанавливает возможность подачи обращений гражданами, а также регулирует взаимодействие уполномоченного органа с телекоммуникационным регулятором и интернет-провайдерами. Сроки реагирования установлены следующие: решение о приостановлении работы сайта принимается в течение трёх рабочих дней, исполнение провайдерами в течение 24 часов.

⁸⁴ Начало кампании «16 дней против насилия»: акцент — цифровая безопасность женщин и девочек. Доступно по ссылке: <https://mlsp.gov.kg/ru/2025/11/25/nachalo-kampanii-16-dnej-protiv-nasiliya-akcent-cifrovaya-bezopasnost-zhenshhin-i-devochek/>

⁸⁵ Закон Кыргызской Республики от 23 июня 2025 года № 123 «О регулировании пользования мобильными устройствами в общеобразовательных организациях». Доступно по ссылке: <https://cbd.minjust.gov.kg/230029099/edition/34245/ru>

⁸⁶ Пресс-релиз Конституционного суда КР по делу о проверке конституционности пунктов 10–13 Порядка обжалования действий владельца сайта и удаления недостоверной информации (постановление Кабинета Министров КР от 8 апреля 2022 года № 204). Доступно по ссылке: <https://constsof.kg/ru/press/>

⁸⁷ Кабмин утвердил порядок приостановления работы сайтов, содержащих контент с элементами порнографии. Akipress, 9 марта 2026. Доступно по ссылке: <https://kg.akipress.org/news:2428756/>

Приведённые механизмы контентного регулирования имеют косвенное значение для противодействия цифровому насилию: они формируют инфраструктурные инструменты реагирования на вредоносный онлайн-контент, которые потенциально применимы в случаях распространения сексуализированных или унижающих материалов. Вместе с тем данный контур ориентирован преимущественно на ограничение и блокировку контента, а не на защиту пострадавших от цифрового насилия. Он не предусматривает ни специализированных процедур поддержки жертв, ни правовой квалификации деяний как форм цифрового насилия.

2.4.5. Институт Акыйкатчы (Омбудсмен): правозащитная функция без исполнительного мандата

Институт Акыйкатчы (Омбудсмена) Кыргызской Республики выполняет правозащитную функцию в сфере онлайн-насилия через проведение исследований, публичные коммуникации и формирование рекомендаций государственным органам. В частности, совместно с НПО и при поддержке ПРООН в 2023 году было проведено исследование онлайн-насилия и языка вражды с фокусом на женщин и девочек, результаты которого получили официальное публичное освещение. В докладе цифровое насилие описано как системный феномен, связанный с доминированием, унижением и сексистским контентом в социальных сетях, порождающий самоцензуру и причиняющий реальный психологический вред.

Значимость роли Института Акыйкатчы состоит в том, что он переводит проблему цифрового насилия из плоскости отдельных правонарушений в категорию нарушений прав человека, требующих системного государственного ответа. Вместе с тем данный институт не располагает исполнительными полномочиями по реагированию на конкретные случаи цифрового насилия и не может заменить специализированные государственные механизмы защиты пострадавших.

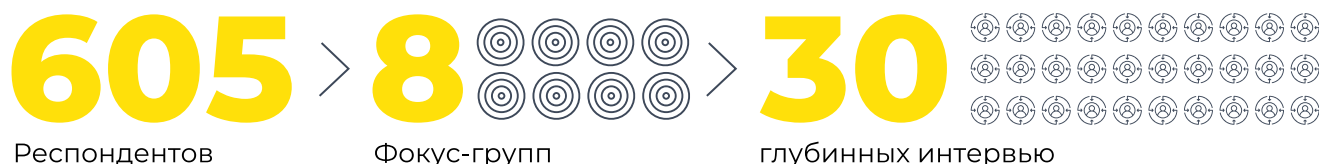
Проведённый анализ институциональной архитектуры показывает, что в Кыргызской Республике сложилась ситуация фрагментированной ответственности: различные аспекты цифрового насилия распределены между несколькими ведомствами, каждое из которых действует строго в рамках своего отраслевого мандата. МВД реагирует на угрозы и шантаж. Министерство цифрового развития отвечает за кибербезопасность инфраструктуры. Государственное агентство по защите персональных данных рассматривает жалобы на нарушение режима персональных данных. Министерство труда координирует политику в сфере семейного насилия. Министерство образования противодействует кибербуллингу в школьной среде. Орган в сфере информации обеспечивает контентный контроль.

Ни один из перечисленных органов не обладает комплексным мандатом на противодействие цифровому насилию как самостоятельному межсекторальному явлению с охватом нормативного определения, специализированных процедур расследования, поддержки пострадавших и профилактики. Следствием этой архитектуры является не просто административная разрозненность, но структурно обусловленная неопределённость для пострадавшего: человек, столкнувшийся с цифровым насилием, вынужден самостоятельно определять компетентный орган, при том что сама система не предоставляет ему ни единого маршрута, ни единого «окна» для обращения. Преодоление данного дефицита требует либо создания специализированного координирующего органа с чётко определёнными полномочиями, либо законодательного закрепления межведомственного механизма реагирования с определённым ведущим субъектом ответственности.

2.5. Интервью с государственными органами: что работает и где система останавливается

Значимая часть эмпирических знаний о цифровом насилии в Кыргызстане пока формируется не из государственных статистических массивов, а из исследований гражданского сектора и института омбудсмен

а. Исследование «Онлайн-насилия и языка вражды...», подготовленное при поддержке ПРООН, использует смешанную методологию: анонимный онлайн-опрос (605 респондентов), 8 фокус-групп (79 респондентов) и 30 глубинных интервью. Это делает его одним из наиболее «приближенных к практике» источников о том, как жертвы воспринимают защиту и взаимодействие с институтами.⁸⁸

Содержательно исследование фиксирует типичные «сложности взаимодействия», которые напрямую важны для государственных институтов. Среди выводов указывается, что жертвы онлайн-насилия испытывают выраженные психологические и эмоциональные последствия, а также что низкая обращаемость может быть связана с отсутствием процессуальных гарантий неразглашения личности заявительницы и низким доверием к правоохранительным и другим государственным институтам. Эти тезисы принципиальны для раздела о политике: государственная система защиты воспринимается как недостаточно безопасная и недостаточно полезная для жертвы.⁸⁹

В части «реакций» государственных институтов важен сигнал омбудсмана о том, что социальные медиа-платформы и алгоритмы рекомендаций могут усиливать распространение насильственного/сексистского контента и нормализовать унижения, формируя страх и самоцензуру. Это указывает на понимание проблемы не только как «преступления», но и как системного социального явления, которое требует профилактики и механизмов поддержки, а не только наказания.⁹⁰

Отдельно, но уже по линии цифрового государства, просматривается институциональное движение к усилению правоприменительных инструментов: обсуждение введения «цифровых доказательств» и процедур их изъятия/фиксации – это реакция на практическую проблему слабой доказательной базы по делам, где центральны переписки, файлы и данные платформ. Для расследования цифрового насилия (киберпреследование, шантаж, распространение интимных материалов) этот блок может стать критическим.⁹¹

Поскольку методология исследования предусматривает использование качественных методов, включая экспертные интервью и анализ институциональных практик, в рамках эмпирической части исследования в феврале-марте 2026 года были проведены два анонимных полуструктурированных интервью с представителями государственных институтов, вовлечённых в регулирование цифровой среды и защиту

⁸⁸ Исследование онлайн-насилия и языка вражды в KG-зоне с фокусом на девочек и женщин», доступно по ссылке: <https://preventionmedia.org/2025/05/%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D0%BE%D0%BD%D0%BB%D0%B0%D0%B9%D0%BD-%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D1%8F-%D0%B8-%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%B0-%D0%B2/>

⁸⁹ Исследование онлайн-насилия и языка вражды в интернет пространстве с фокусом на женщин и девочек, доступно по ссылке: https://preventionmedia.org/wp-content/uploads/2025/05/%D0%92%D0%BB%D0%B8%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%B0-%D0%B2%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D1%8B-%D0%B2-%D0%BE%D0%BD%D0%BB%D0%B0%D0%B9%D0%BD-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5-%D0%BD%D0%B0-%D0%B4%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D1%87%D0%B5%D0%BA-%D0%B8-%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D1%89%D0%B8%D0%BD_2023.pdf

⁹⁰ Как бороться с онлайн-насилием в отношении женщин и детей, 13/09/2023, доступно по ссылке: <https://ombudsman.kg/ru/publications/kak-borotsya-s-onlayn-nasiliem-v-otnoshenii-zhenshchin-i-detey>

⁹¹ В КР хотят узаконить цифровые доказательства и арест криптоактивов, 30 января 2026, Бишкек - 24.kg, Турдубек Айгыров, доступно по ссылке: https://24.kg/vlast/359986_vnbspknbsphotyat_uzakonit_tsifrovyye_dokazatelstva_inbsparest_kriptoaktivov_/

персональных данных: Министерства цифрового развития (МЦР) и Государственного агентства по защите персональных данных (ГАЗПД). Интервью были направлены на выявление институциональных механизмов реагирования на случаи цифрового насилия, практики взаимодействия с гражданами и оценку существующих ограничений в сфере защиты прав человека в цифровой среде.

Полученные данные позволили определить ряд практических механизмов реагирования на цифровые угрозы и одновременно обозначить институциональные ограничения существующей системы.

Во-первых, одним из каналов обращения для школьников является функционал электронного дневника «Е-Күнделүк». В системе предусмотрена специальная кнопка, позволяющая учащимся анонимно обратиться на горячую линию Министерства внутренних дел. Данный механизм предоставляет возможность прямой передачи жалоб правоохранительным органам, что может рассматриваться как элемент раннего выявления случаев онлайн-преследования, кибербуллинга или иных форм цифрового насилия среди школьников.

Во-вторых, представители ГАЗПД отметили, что граждане используют механизмы обратной связи на официальном сайте агентства для подачи жалоб на контент, нарушающий право на защиту персональных данных или затрагивающий личную жизнь. В ряде случаев такие обращения касались распространения в интернете фотографий интимного характера либо иного чувствительного контента, содержащего персональные данные. По словам респондентов, после рассмотрения обращений агентство взаимодействовало с соответствующими платформами или администраторами ресурсов, что приводило к удалению указанного контента. Таким образом, практика показывает, что граждане могут обращаться как в ГАЗПД, так и в правоохранительные органы для защиты своих прав в случаях распространения унизительного или незаконного контента в сети.

В-третьих, в ходе интервью был затронут вопрос институционального распределения полномочий в сфере мониторинга цифрового контента. Отмечено, что функции наблюдения за медиаконтентом формально закреплены за Министерством культуры. В ходе интервью поднимался вопрос об этом специализированном центре при Министерстве культуры, ранее занимавшемся вопросами мониторинга медиаконтента. При этом текущий институциональный статус данной структуры и степень продолжения её функций остаются не до конца прозрачными, что может свидетельствовать о возможных институциональных трансформациях в системе мониторинга цифровой среды.

В-четвертых, отдельное внимание в интервью было уделено системным вызовам в сфере цифровой безопасности. Собеседники подчеркнули, что уровень цифровой грамотности населения остаётся недостаточным, особенно в регионах страны. Это, в свою очередь, снижает способность граждан распознавать риски цифрового насилия и использования существующих механизмов защиты.

В-пятых, на институциональном уровне респонденты также указали на необходимость усиления межведомственной координации между государственными органами, вовлечёнными в регулирование цифровой среды. Особо подчёркивалась важность защиты персональных данных несовершеннолетних как приоритетного направления государственной политики. Вместе с тем отмечается дефицит как технических ресурсов, так и специалистов, квалифицированных в сфере цифровой форензики, способных эффективно реагировать на новые формы цифровых угроз.

В-шестых, по словам представителей ГАЗПД выносимые агентством предписания в большинстве случаев исполняются субъектами обработки персональных данных, что свидетельствует о наличии определённых механизмов правоприменения и институционального влияния регулятора.

Таким образом, результаты интервью позволяют сделать вывод, что в Кыргызской Республике уже существуют отдельные институциональные механизмы реагирования на цифровые угрозы (горячие линии, формы онлайн-обращений, административные предписания). Вместе с тем респонденты отмечали, что дальнейшее развитие существующих механизмов может быть связано с повышением цифровой грамотности населения, укреплением кадрового потенциала и расширением межведомственного взаимодействия.

Проведённый анализ законодательства и институциональной архитектуры позволяет сформулировать следующие выводы.

Нормативно-правовое регулирование цифрового насилия в Кыргызской Республике носит фрагментарный характер: отдельные его проявления охватываются смежными правовыми институтами защитой персональных данных, неприкосновенностью частной жизни, законодательством о семейном насилии, нормами об угрозах и клевете, однако единого правового режима, учитывающего специфику цифровой среды, не сформировано. Государственная политика в сфере кибербезопасности ориентирована преимущественно на защиту инфраструктуры и информационных систем, тогда как поведенческие и контентные формы цифрового вреда онлайн-преследование, сексуализированный шантаж, доксинг, киберхарассмент остаются недостаточно институционализированными и процессуально неоформленными.

Показательно, что понятийный аппарат цифрового насилия в Кыргызской Республике формируется не через законодательство, а через правозащитный и экспертный дискурс: такие термины, как «кибербуллинг», «доксинг», «онлайн-преследование», прежде всего закрепляются в исследованиях гражданского общества, публикациях Института Акыйкатчы и международных организаций и лишь затем, частично и непоследовательно, проникают в ведомственные акты. Это является индикатором нормативного дефицита: государство пока реагирует на язык проблемы, а не формирует его.

На институциональном уровне полномочия распределены между несколькими ведомствами по отраслевому принципу, однако ни одно из них не обладает комплексным мандатом в сфере цифрового насилия как самостоятельного межсекторального явления. Следствием этого выступает структурно обусловленная неопределённость для пострадавшего: при отсутствии единого маршрута обращения система де-факто перекладывает на жертву задачу правовой навигации.

Вместе с тем цифровое насилие уже не является исключительно теоретической категорией – оно представляет собой самостоятельную форму нарушения прав человека, затрагивающую достоинство личности, психологическую безопасность, приватность и возможность полноценного участия в общественной жизни. Риски, связанные с генеративным искусственным интеллектом, дипфейками и насилием на основе изображений, фиксируются экспертным сообществом значительно раньше, чем находят отражение в законодательстве и правоприменительной практике, что дополнительно подчёркивает системный характер существующего регуляторного отставания.

Указанные нормативные и институциональные дефициты закономерно воспроизводятся на уровне правоприменения, которому посвящён следующий раздел.

Раздел III.

Правоприменительная
практика и доступ к защите

Раздел III. Правоприменительная практика и доступ к защите

Раздел III показывает, что нормативная фрагментарность, выявленная в Разделе II, трансформируется в институциональную неэффективность правоприменения: отсутствие единого правового определения цифрового насилия порождает трудности квалификации, которая влечёт процессуальные проблемы расследования, что формирует барьеры для доказывания и снижает доверие пострадавших к системе, что сокращает число обращений и фактически оставляет большинство случаев цифрового насилия без правового реагирования. Иными словами: система не отказывает жертве в защите намеренно она просто не знает, как её обеспечить.

3.1. Восприятие цифрового насилия правоохранительной и судебной системой

Восприятие цифрового насилия со стороны правоохранительной и судебной системы, адвокатского корпуса и некоммерческих правозащитных организаций представляет собой особый интерес в контексте понимания системности восприятия такого социального явления как цифровое насилие. Следует отметить, что цифровое насилие — это явление, которое существует не только в теоретическом контексте, но и в повседневной социальной реальности, с которым граждане сталкиваются всё более часто, в том числе в социальных сетях.

При этом восприятие цифрового насилия правоохранительной системой Кыргызской Республики пока нельзя назвать единообразным и окончательно институционализированным. На практике соответствующие эпизоды обычно распознаются не как самостоятельная правовая категория, а как совокупность уже известных нарушений, распределённых между разными составами и режимами регулирования, то есть отсутствует нормативное закрепление понятия «цифровое насилие», более того, при квалификации различных составов преступлений применяемые положения законодательства не содержат положений о цифровом характере совершения того или иного преступления или правонарушения, в контексте насильственных действий и цифрового насилия в целом. В зависимости от обстоятельств речь может идти о клевете, оскорблении, незаконном распространении сведений о частной жизни, неправомерном доступе к переписке, шантаже, угрозах, распространении ложной информации, а в отдельных случаях и о продолжении семейного или партнерского насилия с использованием цифровых каналов. Сам термин «цифровое насилие» уже закрепился в исследовательской и правозащитной среде, но в позитивном праве и в повседневном языке правоприменения он по-прежнему используется неустойчиво.

Показательно, что публичная институциональная повестка в 2026 году по-прежнему концентрировалась прежде всего вокруг киберпреступности в узком смысле. На рабочей встрече судей Верховного суда и сотрудников шестого управления Главного управления уголовного розыска МВД обсуждались текущее состояние киберпреступности в стране, основные виды интернет-мошенничества, а также вопросы взаимодействия судов и правоохранительных органов в условиях цифровизации. Уже сама рамка такого обсуждения показывает важный сдвиг, но одновременно и его пределы. Система довольно хорошо распознает цифровую угрозу как угрозу инфраструктуре, денежным средствам и информационной безопасности, однако намного слабее видит цифровое насилие как посягательство на личность, достоинство, частную жизнь и безопасность человека в онлайн-среде.⁹²

⁹² 24.kg. 2026. «В Верховном суде обсудили состояние киберпреступности в Кыргызстане». 12 февраля 2026 г., доступно по ссылке: https://24.kg/obschestvo/361674_vverhovnom_sude_obsudili_sostoyanie_kiberprestupnosti_vkyrgyzstane/

При этом необходимо придавать серьезное значение тому аспекту, что все большее число преступлений уже совершается с использованием цифровых технологий, так с 2001 по 2021 годы число жертв киберпреступлений увеличилось с 6 до 97 в час, что составляет рост на 1 517% за 20 лет.⁹³ Для Кыргызстана это означает: при сохранении текущих темпов роста интернет-аудитории (с 5,4 до 7,1 млн пользователей за 4 года) и при отсутствии специализированных механизмов защиты число случаев цифрового насилия будет расти пропорционально цифровому присутствию граждан.

Уже сейчас ощущим переход практически всех правоотношений и взаимодействия людей, если не полностью, то в значительной мере в цифровой формат, и в данном контексте очень актуальна роль правоохранительной системы в процессах связанных с расследованием преступлений, квалифицируемых в качестве цифрового насилия.

Сегодняшняя реальность демонстрирует, что проблема давно вышла за пределы школьного кибербуллинга или бытовых конфликтов в социальных сетях. В публикации Института Акыйкатчы прямо подчеркивается, что онлайн-насилие в отношении женщин и детей может вести к самоцензуре, уходу из публичного пространства, утрате чувства безопасности, репутационному ущербу и серьезным психологическим последствиям. В этом смысле цифровое насилие следует рассматривать не как второстепенный эффект цифровизации, а как самостоятельную форму нарушения прав человека, которая влечет вполне осязаемые последствия и в офлайн-среде.⁹⁴

Для правоприменения это создает особую трудность. Зачастую данная трудность заключается в том, что ввиду отсутствия конкретного состава преступления у правоохранительных органов имеются целый комплекс противоправных действий, которые, в том числе могут квалифицироваться по разным составам преступлений. Учитывая отсутствие единого правового и правоприменительного алгоритма квалификации, защита распадается на отдельные фрагменты. Именно эта фрагментарность и должна рассматриваться как один из ключевых признаков текущего состояния правоприменения в сфере цифрового насилия в Кыргызской Республике.

3.2. Анализ законодательства Кыргызской Республики. Ответственность и действующие правовые механизмы

На практике реагирование на цифровое насилие осуществляется через совокупность различных механизмов уголовного, административного и гражданско-правового характера, применяемых в зависимости от конкретной формы причиненного вреда. В результате защита существует, однако носит фрагментарный характер и не образует самостоятельного института защиты личности в цифровой среде.

⁹³ Последние статистические данные о киберпреступности за 2025 год., доступно по ссылке: <https://aag-it.com/the-latest-cyber-crime-statistics/#::~:~:text=How%20often%20does%20cyber%20crime,their%20data%20leaked%20every%20second.>

⁹⁴ Институт Акыйкатчы (Омбудсмен) Кыргызской Республики. 2023. «Как бороться с онлайн-насилием в отношении женщин и детей». 13 сентября 2023 г., доступно по ссылке: <https://ombudsman.kg/ru/publications/kak-borotsya-s-onlayn-nasiliem-v-otnoshenii-zhenshchin-i-detey>

Наиболее часто в правоприменительной практике используются нормы, связанные с онлайн-оскорблениями, распространением ложной информации, нарушением неприкосновенности частной жизни, незаконным использованием персональных данных и неправомерным доступом к цифровым ресурсам. Вместе с тем эффективность этих механизмов остается ограниченной, поскольку они ориентированы преимущественно на отдельные элементы вреда, а не на цифровое насилие как комплексное явление.

Так, нормы об онлайн-оскорблениях и распространении ложной информации позволяют реагировать на отдельные случаи интернет-травли и репутационного вреда, однако плохо применимы к ситуациям систематического цифрового преследования, координированных атак, сексуализированного давления, доксинга или психологического контроля через цифровую среду. На практике правоохранительные органы вынуждены адаптировать существующие составы к новым формам цифрового вреда, что приводит к нестабильности квалификации и неоднородности правоприменения.

Особенно заметны ограничения существующей модели в делах, связанных с распространением интимных материалов и сексуализированным цифровым насилием. В подобных ситуациях правовая реакция строится через сочетание различных норм о неприкосновенности частной жизни, угрозах, шантаже либо незаконном распространении материалов интимного характера. Однако самостоятельного механизма защиты от неконсенсуального распространения интимных изображений, угроз их публикации или использования дипфейк-технологий в настоящее время фактически не сформировано. В результате правоохранительная система реагирует преимущественно на отдельные последствия причиненного вреда, а не на саму модель цифрового насилия.

Существенное значение для правоприменения приобрели изменения, связанные с введением Цифрового кодекса Кыргызской Республики. Расширение регулирования в сфере цифровых прав, персональных данных и цифровой идентичности создало дополнительные механизмы защиты, прежде всего в ситуациях, связанных с незаконным использованием персональных данных, отказом удалить цифровую информацию или нарушением цифровых прав потерпевшего. Однако на момент проведения настоящего исследования устойчивая судебная практика по соответствующим составам еще не сформировалась, что свидетельствует о переходном характере действующей модели регулирования.

Уголовно-правовые механизмы также продолжают использоваться преимущественно опосредованно. На практике наиболее применимыми остаются нормы, связанные с нарушением неприкосновенности частной жизни, прежде всего в случаях распространения интимных материалов, доксинга и вмешательства в личную коммуникацию. При этом цифровая среда рассматривается главным образом как способ совершения деяния, а не как самостоятельный фактор повышенной уязвимости личности.

Отдельного внимания заслуживает практика применения норм, связанных с персональными данными. Материалы, полученные от Государственного агентства по защите персональных данных, показывают увеличение количества проверок, предписаний и обращений граждан, связанных с нарушением законодательства о персональных данных. Это свидетельствует о постепенном росте значения цифровой приватности в правоприменительной практике. Вместе с тем сама система реагирования пока остается преимущественно административно-контрольной и в недостаточной степени ориентирована на комплексную защиту жертв цифрового насилия.

Анализ практического применения законодательства также показывает, что нормы, связанные с киберпреступностью, используются в делах о цифровом насилии достаточно ограниченно. Несмотря на наличие механизмов реагирования на неправомерный доступ к информации, вмешательство в цифровые системы и иные формы цифровых посягательств, данные составы применяются преимущественно в случаях, связанных с техническим вмешательством, а не с психологическим, репутационным или сексуализированным цифровым вредом.

Таким образом, законодательство Кыргызской Республики уже содержит значительное количество правовых механизмов, пригодных для реагирования на отдельные проявления цифрового насилия. Однако существующая модель остается внутренне разрозненной. Потерпевший вынужден обращаться одновременно к различным правовым инструментам, а итоговая эффективность защиты во многом зависит не от системности регулирования, а от способности конкретного правоприменителя адаптировать существующие нормы к обстоятельствам цифрового конфликта. Именно этот разрыв между наличием отдельных норм и отсутствием единой модели их применения продолжает оставаться одной из ключевых проблем правоприменения в сфере цифрового насилия в Кыргызской Республике.

Судебная практика по делам о нарушении неприкосновенности частной жизни как индикатор правоприменительного процесса в деятельности правоохранительных органов в контексте реагирования на случаи цифрового насилия

При анализе цифрового насилия в Кыргызской Республике важно учитывать, что данное явление пока не получило устойчивого отражения в судебной статистике и правоприменительной практике как самостоятельная категория. По этой причине для выявления релевантных случаев требуется обращение не только к составам, прямо связанным с цифровой средой, но и к делам о нарушении неприкосновенности частной жизни, распространении сведений личного характера, посягательстве на честь и достоинство, а также к делам, связанным с использованием цифровых каналов коммуникации для причинения вреда потерпевшему. Такой подход актуален тем, что защита частной жизни в современном правовом порядке охватывает не только физическую, но и цифровую сферу. В условиях цифровизации вмешательство в частную жизнь все чаще осуществляется не посредством прямого физического контакта, а через мобильные устройства, социальные сети, мессенджеры, видеосвязь, публикацию изображений, распространение сообщений и иных цифровых следов личности. Поэтому исследование судебной практики по делам о нарушении неприкосновенности частной жизни позволяет выявить те формы цифрового насилия, которые в судебных актах не всегда именуются именно таким термином, но по существу отвечают его признакам.

В рамках ранее проведенного исследования судебной практики по статье 190 Уголовного кодекса Кыргызской Республики и прежней статье 186 УК Кыргызской Республики было изучено 83 уголовных дела за период 2019–2023 годов. Распределение дел по годам показывает, что эта категория не является единичной: 14 дел были рассмотрены в 2019 году, 34 — в 2020 году, 26 — в 2021 году, 6 — в 2022 году и 3 — в 2023 году. Однако сам по себе количественный массив еще не свидетельствует о наличии полноценной и четко распознаваемой судебной категории цифрового насилия. Напротив, он демонстрирует, что проявления цифрового насилия растворяются в более широком массиве дел о частной жизни, личной и семейной тайне, чести и достоинстве.⁹⁵

Особый интерес для целей настоящего исследования представляет то обстоятельство, что отдельные дела по статье 190 (186) УК Кыргызской Республики фактически описывают типичные практики цифрового насилия. Так, в одном из дел, рассмотренных 14 января 2020 года Кызыл-Кийским городским судом Баткенской области, обвиняемый специально создал страницу в Instagram и использовал ее для рассылки интимных фотографий своей бывшей жены, а также направлял такие материалы через WhatsApp. Этот случай позволяет квалифицировать соответствующее деяние не только как нарушение неприкосновенности частной жизни, но и как форму цифрового насилия, поскольку вред причинялся именно через цифровые платформы, посредством распространения интимного контента, без согласия потерпевшей, с очевидным унижающим и репутационно разрушительным эффектом.

⁹⁵ Аналитический отчет о механизмах защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни в Кыргызской Республике. Бишкек, 2023, доступно по ссылке: justice.biom.kg/upload/files/6724f560-90d1-48cb-a619-205df3d1862a.pdf

В научно-аналитическом плане данное наблюдение имеет принципиальное значение. Оно показывает, что цифровое насилие в Кыргызстане уже находит отражение в судебной практике, но чаще всего не как автономный правовой институт, а как фактическая форма совершения иных правонарушений и преступлений. Иными словами, цифровая среда выступает не всегда как самостоятельный объект правовой квалификации, а как способ совершения посягательства на частную жизнь, достоинство и безопасность личности. Это существенно осложняет как статистический учет, так и выработку адресных мер реагирования со стороны правоохранительных органов, судов и институтов поддержки потерпевших.

В этой связи судебная практика по статье 190 (186) УК Кыргызской Республики выступает как важный, но ограниченный источник для изучения цифрового насилия. Ее ценность состоит в том, что она позволяет увидеть уже дошедшие до суда формы вторжения в личную сферу через цифровые каналы. Ее ограничение заключается в том, что значительная часть проявлений цифрового насилия остается вне данного массива, поскольку квалифицируется по иным нормам либо вообще не доходит до стадии судебного разбирательства. Следовательно, для более полного понимания проблемы необходим комплексный подход, сочетающий анализ судебных актов, интервью с представителями правоохранительных органов, а также изучение сообщений СМИ и экспертных оценок.

С учетом этого судебные дела о нарушении неприкосновенности частной жизни следует рассматривать не как исчерпывающий, а как индикативный массив, показывающий, каким образом цифровые технологии используются для причинения вреда частной жизни, достоинству и безопасности личности. Такой подход позволяет перейти от формального анализа состава преступления к более широкому пониманию цифрового насилия как социально-правового феномена, затрагивающего приватность, репутацию, автономию личности и гендерное измерение уязвимости в цифровой среде.

3.3. Документированные случаи из правоприменительной практики

В настоящем разделе были использованы документированные случаи, собранные в рамках настоящего исследования из материалов территориальных подразделений органов внутренних дел с учетом правоприменительной практики, а также и открытых публикаций в том числе в средствах массовой информации, которые показывают, что цифровое насилие в Кыргызской Республике проявляется в различных формах и далеко не сводится к единичным эпизодам оскорблений в сети.

На практике цифровое насилие выражается в цифровом преследовании, угрозах, травле, шантаже интимными материалами, использовании фальсифицированного или откровенно ложного контента, подмене цифровой идентичности и ином причинении вреда, при котором цифровая среда выступает не только каналом коммуникации, но и самостоятельным средством давления, контроля и унижения.⁹⁶

Случай 1: Угрозы в контексте партнёрских отношений (прекращено)

Один из случаев, зафиксированных территориальным подразделением МВД, касался ситуации, в которой мужчина требовал от потерпевшей возобновить отношения и в случае отказа угрожал ей физической расправой. По имеющимся сведениям, в распоряжении правоохранительных органов находились скриншоты переписки, аудиосообщения и мобильное устройство. Несмотря на наличие цифровых следов, уголовное дело было прекращено на стадии досудебного производства. Отрицательный исход был связан с процессуальными основаниями прекращения и наличием встречного заявления. Данный случай является лакмусом для оценки различных проявлений цифрового насилия, поскольку показывает тесную связь цифрового

⁹⁶ Материалы анкетирования сотрудников территориальных подразделений органов внутренних дел по вопросам реагирования на цифровое насилие. Апрель 2026 года.

насилия с партнерским и гендерно обусловленным насилием, а также демонстрирует, что даже при наличии электронных доказательств дело не всегда доходит до правовой оценки по существу.⁹⁷

Такая ситуация не является единичным проявлением. В условиях, когда правоохранительным органам необходимо проводить значительный объем работы по сбору и анализу цифровых доказательств, что для рядовых дознавателей зачастую представляет серьезную сложность, им приходится одновременно решать и вопрос надлежащей квалификации таких деяний, при том, что соответствующие составы правонарушений или преступлений могут прямо отсутствовать в нормативном материале. Кроме того, дознавателю необходимо сформировать полноценную доказательственную базу, основанную на достаточном количестве цифровых доказательств, устойчивых к манипуляциям и пригодных для последующей процессуальной оценки. В подобных условиях в качестве практического выхода нередко используется работа со сторонами, направленная на минимизацию последствий вне процессуального контура. Однако такой подход, хотя и может временно снизить остроту конфликта, с точки зрения законодательства не всегда является эффективным способом реагирования на проявления цифрового насилия и тем более не гарантирует, что подобные действия не повторятся в будущем.

Случай 2: Сексуализированный шантаж (передано в суд)

Другой случай, отраженный в материалах территориального подразделения МВД, был связан с сексуализированным цифровым шантажом. Потерпевшая обратилась с заявлением в отношении знакомого лица, которое, пользуясь ранее существовавшими интимными отношениями, угрожало распространением личных фотографий и одновременно требовало передачи крупной денежной суммы. В качестве доказательств фигурировали осмотр мобильного телефона потерпевшей, переписка в мессенджере, данные, подтвержденные при осмотре телефона предполагаемого нарушителя, а также протоколы процессуальных действий с участием сторон. По данному факту материал был доведен до стадии передачи в суд. Данный случай имеет особое значение, поскольку показывает, что при своевременной фиксации цифрового следа и наличии подтверждающих данных с обеих сторон цифровое насилие приобретает более устойчивую процессуальную перспективу, а судебная фиксация повышает степень недопущения таких проявлений впредь.⁹⁸

Случай 3: Анонимные угрозы с национальной риторикой (приостановлено)

Еще один данный случай касается анонимной враждебной коммуникации в цифровой среде. По сведениям, полученным от территориального подразделения МВД, потерпевший сообщил, что неизвестное лицо в социальной сети размещало в его адрес угрозы физической расправы, сопровождая их ссылками на его национальную принадлежность. По делу были представлены скриншоты переписки и комментариев, а также зафиксированы пояснения заявителя. Производство было начато, однако впоследствии приостановлено в связи с невозможностью установить лицо, подлежащее привлечению к ответственности. Данный случай особенно показателен в контексте темы цифрового насилия, поскольку демонстрирует одно из ключевых ограничений правоприменения в цифровой среде, когда наличие вредоносного контента и даже его вероятная правовая квалификация еще не гарантируют результата, если цифровая анонимность, трансграничность платформ и недостаточность технических ресурсов препятствуют установлению нарушителя. Существенным фактором в рассматриваемой ситуации является также ограниченный доступ дознавателей к более точным видам цифровых доказательств, включая логи сообщений, данные о последовательности и времени фиксации переписки, а также сведения о местоположении предполагаемого нарушителя.

⁹⁷ Материалы анкетирования сотрудников территориальных подразделений органов внутренних дел по вопросам реагирования на цифровое насилие. Апрель 2026 года. Кейс о цифровых угрозах в контексте партнерских отношений, прекращение уголовного дела на стадии досудебного производства.

⁹⁸ Материалы анкетирования сотрудников территориальных подразделений органов внутренних дел по вопросам реагирования на цифровое насилие. Апрель 2026 года. Кейс о шантаже распространением личных фотографий и требовании передачи денежных средств; материал передан в суд.

Во многом это связано с отсутствием устойчивых правовых механизмов взаимодействия с трансграничными платформами по вопросам сбора и исследования доказательств. На практике такие платформы часто уклоняются от сотрудничества, указывая на недостаточную определенность национальных процедур и отсутствие прозрачных нормативных оснований для предоставления информации правоохранным органам. В результате именно дефицит эффективного взаимодействия с администрациями трансграничных цифровых сервисов нередко превращается в один из ключевых барьеров для формирования полноценной доказательственной базы.⁹⁹

Случай 4: Кибербуллинг несовершеннолетнего (протокол)

Четвертый данный случай связан с цифровой травлей несовершеннолетнего в школьной среде. Согласно материалам территориального подразделения МВД, один из подростков систематически размещал в общей группе в мессенджере оскорбительные сообщения в адрес одноклассника, угрожал ему физической расправой и публиковал отредактированные фотографии, доступные для просмотра другим участникам группы. По делу были собраны объяснения участников и свидетелей, а сам нарушитель признал факт размещения оскорбительных сообщений. Материал был зарегистрирован, после чего был составлен протокол о правонарушении. Описанная ситуация также демонстрирует присутствие цифрового насилия в подростковой среде и подтверждает, что в ряде случаев именно школьная и молодежная онлайн-коммуникация становится пространством регулярного психологического давления, публичного унижения и угроз.¹⁰⁰

Случай 5: Захват аккаунта и клевета (прекращено)

Также имеется случай неправомерного доступа к аккаунту и последующего использования чужой цифровой идентичности. По имеющимся сведениям, из правоприменительной практики, неустановленное лицо получило доступ к личной странице третьего лица и от его имени размещало материалы клеветнического и оскорбительного характера. Сам владелец аккаунта подтвердил, что соответствующие публикации им не размещались и что доступ к странице был осуществлен посторонним лицом. С правовой точки зрения данный эпизод представлял собой сложную ситуацию конкуренции квалификаций, поскольку в нем одновременно усматривались признаки клеветы и оскорбления в цифровой среде, нарушения цифровых прав и неправомерного доступа к компьютерной информации. Однако производство не было доведено до наказания и впоследствии было прекращено ввиду невозможности установления виновного лица. Этот пример отражает одну из наиболее характерных для цифрового насилия проблем, когда вред для потерпевшего очевиден, но правовой результат зависит не только от содержания деяния, но и от возможности идентифицировать конкретного исполнителя.¹⁰¹

Из пяти случаев — два прекращены, один приостановлен, один завершился протоколом, один передан в суд. Исход определялся не тяжестью вреда, а случайным стечением процессуальных обстоятельств.

3.3.1. Случаи из открытых публикаций в средствах массовой информации

Один из наиболее показательных случаев был описан в марте 2026 года, когда прокуратура по надзору за соблюдением законов в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы рассказала о случае интернет-травли женщины со стороны мужчины, находившегося в местах лишения свободы. По доступному описанию, этот случай сопровождался тяжелыми психологическими последствиями и фактически

⁹⁹ Материалы анкетирования сотрудников территориальных подразделений органов внутренних дел по вопросам реагирования на цифровое насилие. Апрель 2026 года. Кейс об угрозах в социальной сети, сопровождавшихся ссылками на национальную принадлежность потерпевшего; производство приостановлено ввиду неустановления лица.

¹⁰⁰ Материалы анкетирования сотрудников территориальных подразделений органов внутренних дел по вопросам реагирования на цифровое насилие. Апрель 2026 года. Кейс о систематической цифровой травле несовершеннолетнего в общей группе мессенджера; составлен протокол о правонарушении.

¹⁰¹ Материалы правоприменительной практики, полученные в ходе подготовки исследования. Апрель 2026 года.

демонстрировал, что физическая изоляция агрессора не всегда прекращает насилие, если у него сохраняется доступ к цифровым каналам связи. Что примечательно и заслуживает отдельного внимания законодателя и правоприменителей, так это то, что стирается жесткая грань между «онлайн» и «офлайн» насилием. Еще описанная ситуация демонстрирует, что цифровая среда может использоваться как инструмент продолжения контроля, даже когда привычные формы контакта затруднены.¹⁰²

Системный вывод: физическая изоляция агрессора не прерывает цифровое насилие — это требует отдельных процессуальных механизмов ограничения цифрового доступа.

Не менее показателен случай, связанный с сексуальным шантажом. В 2024 году в Бишкеке был задержан иностранный гражданин, который, по данным ГКНБ, знакомился с девушками, а затем угрожал опубликовать интимные видеозаписи. Данный пример демонстрирует типичный для сексторшена механизм. Цифровые данные становятся инструментом подчинения воли потерпевшей, а страх публичного унижения выступает основным способом воздействия. С точки зрения правоприменения здесь принципиально важно, что вред причиняется не только или даже не столько самим возможным опубликованием записи, сколько устойчивым состоянием страха, потери контроля над собственной частной жизнью и зависимостью от воли агрессора.¹⁰³

Системный вывод: основной вред сексторшна — не факт публикации, а устойчивое состояние страха и утраты контроля над частной жизнью. Действующие нормы о шантаже это не отражают.

Еще более сложную форму цифрового насилия показывает случай из города Манас Джалал-Абадской области, где в феврале 2025 года была задержана блогер, угрожавшая опубликовать фейковое видео интимного характера с участием падчерицы потерпевшего. Этот случай находится на стыке шантажа, морального давления, репутационного насилия и технологически опосредованной фальсификации контента. Именно такие ситуации особенно отчетливо показывают, почему для Кыргызстана становится актуальной не только тема классического кибербуллинга, но и вопрос о правовой реакции на дипфейки, смонтированные материалы интимного характера и иные формы цифрового вреда.¹⁰⁴

Системный вывод: угроза опубликовать синтетический контент уже является формой насилия вне зависимости от того, существует ли он реально. Этот состав не предусмотрен действующим законодательством Кыргызской Республики.

В апреле 2026 года в СМИ был освещён ещё один показательный случай, связанный с заявлением о цифровом харассменте и психологическом давлении со стороны знакомого лица. Согласно опубликованной информации, предполагаемое противоправное поведение выражалось в навязчивой цифровой коммуникации и направлении материалов сексуального характера вопреки воле адресата. Этот пример важен для исследования как иллюстрация той формы цифрового насилия, которая не всегда сопровождается немедленным имущественным или физическим вредом, но затрагивает достоинство личности, психическую стабильность и безопасность и право на неприкосновенность частной жизни. Одновременно он показывает, что в ряде случаев первичная фиксация цифровых следов и публичная артикуляция проблемы становятся для пострадавшего почти единственным способом перевести происходящее из плоскости частного страдания в пространство правовой реакции.¹⁰⁵

¹⁰² 24.kg. 2026. «Интернет-травля из колонии: как женщину спасли от попытки суицида». 7 марта 2026 г., доступно по ссылке: https://24.kg/proisshествija/364858_internet-travlya_izkolonii_kak_jenschinu_spasli_otpopytki_suitsida/

¹⁰³ 24.kg. 2024. «В Бишкеке иностранец шантажировал девушек, угрожая выложить интимные видео». 3 апреля 2024 г., доступно по ссылке: https://24.kg/proisshествija/290652_vnbspbishkeke_inostranets_shantajiroval_devushek_ugrojaya_vyilojit_intimnyie_video/

¹⁰⁴ 24.kg. 2025. «Грозилась опубликовать фейковые видео интима с падчерицей. Задержана блогер». 14 февраля 2025 г., доступно по ссылке: https://24.kg/proisshествija/319968_grozilas_opublikovat_feykovyie_video_intima_spadcheritsey_zaderjana_blogger/

¹⁰⁵ 24.kg. 2026. «Правозащитница заявила о цифровом харассменте со стороны юриста». 21 апреля 2026 г. доступно по ссылке: https://24.kg/obschestvo/370854_prazozaschitnitsa_zayavila_otsifrovom_harassmente_sostoronyi_yurista/

Системный вывод: данный случай демонстрирует, что цифровой харассмент может выступать самостоятельной формой насилия, затрагивающей достоинство личности, психологическую безопасность и приватность. Вместе с тем отсутствие специализированных механизмов реагирования приводит к тому, что публичное освещение проблемы нередко становится фактическим условием привлечения внимания к нарушениям и запуска правовой защиты.

Правозащитные материалы Института Акыйкатчы добавляют к публичной хронике еще один важный ракурс. В них описываются анонимные истории, связанные с созданием фальшивых аккаунтов от имени женщин, использованием их фотографий, распространением унижающих сообщений и угрозой разглашения интимных материалов. Эти истории важны именно тем, что они отражают смешанный характер цифрового насилия. В одном эпизоде могут сочетаться элементы сексуализированного давления, подмены личности, репутационного вреда, вторжения в частную жизнь и социальной стигматизации.¹⁰⁶

Таким образом, рассмотренные случаи показывают, что цифровое насилие в Кыргызской Республике уже имеет устойчивые практические формы проявления — от онлайн-преследования и сексуализированного шантажа до кибербуллинга, угроз и неправомерного использования цифровой идентичности. При этом правоприменительная практика демонстрирует, что даже при наличии цифровых следов и электронных доказательств эффективность реагирования остается ограниченной вследствие сложности квалификации, анонимности нарушителей, недостатка технических ресурсов и отсутствия устойчивых механизмов взаимодействия с трансграничными цифровыми платформами. Анализ случаев подтверждает, что действующая система реагирования пока носит фрагментарный характер и не формирует самостоятельного и комплексного механизма защиты жертв цифрового насилия.

3.4. Анализ интервью с представителями МВД и адвокатского корпуса

Эмпирическая база настоящего подраздела сформирована на основе анкет и ответов, полученных от сотрудников территориальных подразделений органов внутренних дел, а также отдельных дополнительных сведений, сообщенных в рамках правоприменительной практики по конкретным материалам. В этой связи данный подраздел не претендует на репрезентативный обзор позиций всех звеньев уголовной юстиции, однако позволяет выявить ряд устойчивых тенденций в восприятии цифрового насилия на уровне первичного реагирования, проверки и расследования.¹⁰⁷

Материалы анкет показывают, что сотрудники территориальных подразделений фактически признают наличие отдельной практической проблемы, связанной с цифровым насилием, даже если в правовом смысле оно не всегда выделяется ими в самостоятельную категорию. Среди наиболее часто встречающихся форм респонденты называют шантаж, угрозы физической расправы, травлю, троллинг, вымогательство и киберхарассмент. Один из респондентов прямо указал, что кибербуллинг стал заметно более распространенным в социальных сетях, тогда как привлечение лица за систематическое психологическое давление в настоящее время остается затруднительным. Такая оценка важна не только как субъективное мнение практикующего сотрудника, но и как косвенное подтверждение того, что на уровне правоприменения уже ощущается недостаточность имеющихся квалификационных и процессуальных инструментов для реагирования на повторяющееся цифровое давление.¹⁰⁸

Также из анкет следует, что цифровое насилие в практической работе территориальных подразделений, как правило, квалифицируется через уже существующие составы уголовного закона и законодательства

¹⁰⁶ Институт Акыйкатчы (Омбудсмен) Кыргызской Республики. 2023. «Как бороться с онлайн-насилием в отношении женщин и детей». 13 сентября 2023 г.; анонимизированные кейсы, приведенные в исследовательских материалах, подготовленных при участии института омбудсмана.

¹⁰⁷ Материалы анкетирования сотрудников территориальных подразделений органов внутренних дел по вопросам реагирования на цифровое насилие. Апрель 2026 года.

¹⁰⁸ Материалы анкетирования сотрудников территориальных подразделений органов внутренних дел по вопросам реагирования на цифровое насилие. Апрель 2026 года.

о правонарушениях. В ответах упоминаются нормы, связанные с угрозой применения насилия, нарушением неприкосновенности частной жизни, вымогательством, доведением до самоубийства, возбуждением вражды, а также с клеветой и оскорблением в интернете. Иными словами, цифровая среда уже воспринимается как пространство совершения противоправного деяния, но сама правовая реакция по-прежнему строится не через самостоятельную категорию цифрового насилия, а через традиционные составы, в которые цифровой компонент включается как способ совершения либо как обстоятельство, сопровождающее основное деяние.¹⁰⁹

Анкеты показывают, что на практике чаще всего используются скриншоты, переписка, аудио и видеоматериалы, данные аккаунтов, а в отдельных случаях и сведения операторов связи. При этом респонденты подчеркивают, что такие материалы должны рассматриваться в совокупности, а не изолированно. Один из ответов прямо указывает, что для придания скриншотам процессуального значения обычно проводится осмотр мобильного устройства, в ходе которого устанавливаются данные аккаунта, устройство, с которого велась переписка, и личность владельца учетной записи. При необходимости привлекаются специалисты, направляются запросы для установления IP-адресов и иных идентифицирующих данных, а также назначаются судебно-лингвистические экспертизы. Это наблюдение особенно важно, поскольку показывает, что практикующие сотрудники уже исходят из недостаточности одной лишь визуальной фиксации экрана и стремятся подтвердить цифровой след дополнительными источниками данных.¹¹⁰

Отдельно необходимо рассмотреть ситуации с точки зрения затруднений, которые сами респонденты считают наиболее существенными. Среди них названы использование фейковых аккаунтов, иностранные номера, отсутствие специалистов, нехватка технических средств и трансграничный характер совершения преступлений. В этих ответах фактически выражена центральная проблема правоприменения по делам о цифровом насилии. Даже когда противоправное поведение и причиненный вред достаточно очевидны, правоохранительная система сталкивается с техническими и организационными ограничениями на стадии идентификации нарушителя и закрепления доказательств. Это означает, что цифровое насилие уже вошло в фактическую нагрузку территориальных подразделений, но институциональная инфраструктура реагирования еще не достигла того уровня зрелости, который позволял бы устойчиво доводить такие дела до процессуального результата.¹¹¹

Опрошенными респондентами упоминается необходимость создания специализированных IT-подразделений в следственных органах, более оперативного получения данных у провайдеров и платформ, разработки методических рекомендаций по расследованию преступлений, совершаемых в цифровой среде, системного привлечения специалистов и выработки единых стандартов сбора, фиксации и сохранения цифровых доказательств. Указанные предложения показывают, что запрос на реформу исходит не только от академического или правозащитного сообщества, но и от самих практиков, работающих с подобными материалами на местах.¹¹²

При этом, с точки зрения авторов настоящего исследования, важным инструментом в борьбе с проявлениями цифрового насилия уже сейчас должна стать выработка процессуальных и правовых механизмов вовлечения и сотрудничества с трансграничными платформами по вопросам расследования деяний, связанных с цифровым насилием, сбора и фиксации доказательственной базы, а также реагирования на такие проявления со стороны самих платформ еще до того, как цифровое насилие выйдет в процессуальное или широкое общественное поле.

¹⁰⁹ 24.kg. 2026. «В Верховном суде обсудили состояние киберпреступности в Кыргызстане». 12 февраля 2026 г., доступно по ссылке: https://24.kg/obschestvo/361674_vverhovnom_sude_obsudili_sostoyanie_kiberprestupnosti_vkyrgyzystane/

¹¹⁰ Материалы анкетирования сотрудников территориальных подразделений органов внутренних дел по вопросам реагирования на цифровое насилие. Анонимизированные анкеты, апрель 2026 года. Архив автора.

¹¹¹ Министерство юстиции Кыргызской Республики. 2025. «Подготовлен законопроект, направленный на внедрение института цифровых доказательств и обновление уголовного и процессуального регулирования», доступно по ссылке: <https://minjust.gov.kg/ru/public-news/295>

¹¹² Институт Акыйкатчы (Омбудсмен) Кыргызской Республики. 2023. «Как бороться с онлайн-насилием в отношении женщин и детей». 13 сентября 2023 г., доступно по ссылке: <https://ombudsman.kg/ru/publications/kak-borotsya-s-onlayn-nasiliem-v-otnoshenii-zhenshchin-i-detey>

Для этого необходимо не только закрепление соответствующих составов преступлений и правонарушений, позволяющих обеспечивать их более однозначную квалификацию, в том числе и для целей взаимодействия с трансграничными платформами, но и формирование устойчивых правовых механизмов взаимодействия правоохранительных органов с администрациями таких платформ для более оперативного реагирования на проявления цифрового насилия.

В целом проведенный анализ позволяет сделать вывод, что на уровне территориальных подразделений цифровое насилие уже воспринимается как реальная категория практических обращений, однако оно по-прежнему не имеет единой правовой и процессуальной рамки. Сотрудники распознают шантаж, травлю, угрозы и киберхарассмент, но вынуждены квалифицировать их через смежные составы. Они используют цифровые доказательства, но одновременно признают нехватку специалистов, технических средств и стандартизированных процедур. Они видят распространенность проблемы, но указывают на трудности с установлением нарушителя и доведением дела до результата. Все это подтверждает общий вывод исследования о том, что основная слабость правоприменения в сфере цифрового насилия в Кыргызской Республике заключается не только в пробелах материального права, но и в институциональной недостаточности механизмов работы с цифровым вредом.¹¹³

3.5. Технические, процедурные и институциональные барьеры

Одним из ключевых технических барьеров в делах о цифровом насилии остается вопрос цифровых доказательств, их сбора и оценки. Необходимо понимать, что в настоящее время уполномоченный государственный орган по вопросам проведения судебных экспертиз (Судебно-экспертная служба при Министерстве юстиции Кыргызской Республики) испытывает дефицит экспертов для проведения такого рода экспертиз. Однако проблемы существуют не только на уровне персонала, также имеются трудности в техническом оснащении экспертной деятельности. До настоящего момента Судебно-экспертная служба испытывает трудности с полноценным оснащением лаборатории по проведению экспертизы и оценке цифровых доказательств, не только по делам о цифровом насилии, но и по всем делам, в которых имеются цифровые доказательства.

Из-за чего в практике получает распространение очень серьезная форма нарушения основ оценки и приобщения доказательственной базы в процессе рассмотрения различных категорий дел в ходе которых исследуются цифровые доказательства. Такие дела часто строятся на скриншотах, сообщениях в мессенджерах, записях экрана, логах, данных платформ, метаданных и ином цифровом следе, который легко удалить, изменить или потерять, а юридическая достоверность или процессуальная дееспособность таких доказательств обеспечивается только лишь нотариальным удостоверением. Не случайно Министерство юстиции с конца 2025 года ведет работу, направленную на внедрение института цифровых доказательств и обновление уголовного и процессуального регулирования. Само появление такой инициативы уже можно рассматривать как косвенное признание того, что существующая доказательственная модель не полностью отвечает вызовам цифровой среды, не говоря о Международном стандарте работы с цифровыми доказательствами является ISO/IEC 27037:2012 «Информационные технологии. Согласно ISO/IEC 27037:2012, надлежащая фиксация цифровых доказательств требует верификации хеш-значений, сохранения метаданных и документирования цепочки хранения. Нотариальное удостоверение скриншота не отвечает ни одному из этих требований и тем не менее остаётся единственным доступным на практике инструментом. Методы обеспечения безопасности. Руководящие указания по идентификации, сбору, получению и сохранению цифровых доказательств».¹¹⁴

¹¹³ Министерство труда, социального обеспечения и миграции Кыргызской Республики. 2026. «Минтруда запустило горячую линию 5200 для жертв насилия и торговли людьми». 27 января 2026 г., доступно по ссылке: <https://mlsp.gov.kg/ru/2026/01/27/mintruda-zapustilo-goryachuyu-liniyu-5200-dlya-zhertv-ot-nasilija-i-torgovli-lyudmi/>; Служба юридической помощи при Министерстве юстиции Кыргызской Республики. 2026. «Гарантированная государством юридическая помощь», доступно по ссылке: <https://ukuk-jardam.gov.kg/r>

¹¹⁴ Министерство юстиции Кыргызской Республики. 2025. «Подготовлен законопроект, направленный на внедрение института цифровых доказательств и обновление уголовного и процессуального регулирования», доступно по ссылке: <https://minjust.gov.kg/ru/public-news/295>

Несомненно, ISO/IEC 27037:2012 не устанавливает прямого запрета на использование скриншотов в качестве цифровых доказательств, однако требует обеспечения целостности, подлинности и надлежащего сохранения цифровой информации. В профессиональных рекомендациях по цифровой криминалистике скриншоты рассматриваются как наименее надежный способ фиксации онлайн-контента, пригодный преимущественно как вспомогательное или первичное подтверждение, но требующий дополнительной верификации посредством сохранения нативных данных, метаданных, хеш-значений и иных средств подтверждения источника и неизменности информации.

Ввиду перечисленных проблем, зачастую у правоохранительных органов, адвокатского корпуса и правозащитных организаций ограничены возможности по обращению за экспертной фиксацией цифровых доказательств связанных с проявлениями цифрового насилия, и зачастую злоумышленники понимая, что жертва пытается защищаться и обращается за профессиональной помощью, и с целью избегания любого вида ответственности, осуществляют действия по удалению или изменению контента, поскольку в дальнейшем, в силу отсутствия технических возможностей проверки хеш-сумм и логов, нотариально в качестве доказательства будет зафиксировано уже изменённое состояние доказательства, что будет исключать ответственность лица, осуществляющего цифровое насилие в отношении другого лица.

Второй барьер связан не столько с технологией, сколько с процедурой обращения. Во многих случаях пострадавшие не подают заявление или прекращают добиваться защиты на раннем этапе. Причины более чем понятны. Люди боятся огласки, не верят, что им помогут, опасаются повторного унижения, а в случаях интимного контента или сексуализированного шантажа ожидают скорее осуждения, чем поддержки. В правозащитных публикациях Института Акыйкатчы эта проблема описана достаточно прямо. Онлайн-насилие часто воспринимается как «не настоящее», хотя его последствия для жертвы оказываются вполне реальными и иногда разрушительными.¹¹⁵

Значимым барьером продолжает выступать и фрагментированность, а в некоторых, случаях и полное отсутствие четких регламентов реагирования и взаимодействия на проявления цифрового насилия и защиты лиц, пострадавших от него. Потерпевший может обращаться в милицию, к владельцу сайта, к платформе, в суд, к адвокату, в кризисный центр, к правозащитной организации, на горячую линию или в систему юридической помощи. Однако без понятной координации и без четкого алгоритма они утрачивают практическую пользу для потерпевших, то есть они снижают его мотивацию к защите своих прав ввиду сложности последующего взаимодействия с соответствующими государственными институтами, учитывая эмоциональные трудности жертвы и отсутствие четких алгоритмов действий, напрашивается вывод, что только единицы дел о цифровом насилии получают реальное правомерное измерение и оценку со стороны правоохранительных и судебных органов. Человек вынужден сам решать, куда идти сначала, что фиксировать, в какой срок сохранять доказательства, и какая норма в его случае вообще применима.

Важным сдерживающим фактором остается и то, что дознаватели и представители адвокатского корпуса также обладают недостаточными компетенциями по идентификации, квалификации и реагированию на проявления цифрового насилия, что зачастую может выливаться в то, что жертвы цифрового насилия банально не могут получить необходимую правовую помощь, а злоумышленники имеют все шансы избежать реальной ответственности.

Наконец, нельзя игнорировать барьер, связанный с платформами и языком модерации. Даже в исследованиях, посвященных подросткам и молодежи, отдельно подчеркивается необходимость развивать сотрудничество с IT-платформами, локализовать модерацию и создавать алгоритмы распознавания языка вражды на кыргызском языке. Для правоприменения это значит, что без внешнего, в том числе платформенного компонента, часть случаев цифрового насилия будет оставаться труднодоказуемой или практически неустраняемой, особенно если вредный контент быстро распространяется или дублируется на разных площадках.¹¹⁶

¹¹⁵ Институт Акыйкатчы (Омбудсмен) Кыргызской Республики. 2023. «Как бороться с онлайн-насилием в отношении женщин и детей». 13 сентября 2023 г.

¹¹⁶ Таалим-Форум и Universität Hamburg. 2026. «Вызовы онлайн-агрессии среди подростков и молодежи в Кыргызстане. Аналитическая записка», рекомендации по сотрудничеству с IT-платформами и локализации модерации.

3.6. Роль НПО, адвокатов и гражданского сектора в защите пострадавших

По данным, полученным в ходе исследования, горячая линия 5200 Министерства труда (запущена в январе 2026 года) и система гарантированной юридической помощи Минюста (горячая линия 114) являются двумя основными государственными каналами первичной поддержки жертв. Однако ни один из них не специализируется на цифровом насилии.¹¹⁷

В условиях, когда специализированная государственная модель реагирования на цифровое насилие еще не сформировалась, особое значение приобретают НПО, адвокаты, кризисные центры, правозащитные площадки и иные структуры гражданского сектора. Их роль не сводится к сопровождению отдельных дел. Их задача заключается, в участии в формировании целой системы и необходимого регламента взаимодействия всех участников процесса защиты прав лиц, подвергшихся цифровому насилию, начиная с формирования самого языка проблемы, документирования случаев, помощи и поддержки пострадавших, а также создании институционального моста между частным опытом жертвы и правовой системой.

Следует отметить, что Институт Омбудсмана (Акыйкатчы) в этой теме уже выполняет заметную правозащитную функцию, он не только публикует материалы об онлайн-насилии в отношении женщин и детей, но и переводит проблему в категорию прав человека, подчеркивая, что речь идет не о частной неприятности или случайной грубости в интернете, а о нарушении достоинства, безопасности и свободы человека. Именно правозащитный сектор в Кыргызстане пока в большей степени, чем формальная правоохранительная система, формулирует проблему как структурную и требующую особой политики реагирования, что, несомненно, будет влиять и на увеличение фокуса внимания правоохранительных органов на проблему цифрового насилия.¹¹⁸

По результатам интервью с пятью практикующими адвокатами и юристами, роль адвокатского сообщества в защите пострадавших от цифрового насилия остается значимой, но пока во многом ограниченной недостаточной институциональной и профессиональной подготовкой. Как отметил один из представителей Коллегии адвокатов, одновременно являющийся членом дисциплинарной комиссии, адвокатский корпус в целом пока не обладает необходимыми компетенциями для полноценной работы с такими случаями. Речь идет не только о правовой квалификации отдельных форм цифрового насилия, но и о навыках обращения с цифровыми доказательствами, их фиксации, проверке достоверности, правовой оценке и представлении в рамках процессуальных процедур. Проблема, по сути, носит системный характер и затрагивает весь цикл подготовки юриста, начиная с программ высшего профессионального образования и экзаменационных требований для получения лицензии, и заканчивая последующим повышением квалификации и содержанием лицензионного контроля.

Интервью также показали, что даже в тех случаях, когда пострадавшие обращаются за правовой помощью и готовы инициировать официальный процесс, цифровое насилие нередко не получает полноценного процессуального оформления. По словам одного из адвокатов, в ряде случаев обращения по фактам буллинга и размещения интимных материалов органы внутренних дел фактически избегали возбуждения процессуальных действий и проведения необходимой правовой квалификации, предпочитая неформально связываться с предполагаемыми нарушителями и добиваться прекращения противоправного поведения без регистрации и дальнейшего производства. Иными словами, конфликт разрешался по логике примирения сторон, хотя сама природа деяния предполагала необходимость официальной оценки и фиксации. В другом случае заявление по факту цифрового преследования, которое могло быть квалифицировано как сталкинг или связанное с ним противоправное поведение, длительное время не принималось под различными предлогами, и только после обращения потерпевшей вместе с адвокатом за консульской поддержкой дело

¹¹⁷ Служба юридической помощи при Министерстве юстиции Кыргызской Республики. «Горячая линия 114», доступно по ссылке: <https://ukuk-jardam.gov.kg/ru/hot-line>

¹¹⁸ Институт Акыйкатчы (Омбудсмен) Кыргызской Республики. 2023. «Как бороться с онлайн-насилием в отношении женщин и детей». 13 сентября 2023 г.

получило дальнейшее движение. Особое значение имеет то обстоятельство, что все эти сигналы исходят не из периферии, а с центрального уровня, то есть из Бишкека и Оша. Это позволяет предположить, что на уровне регионов, где доступ к специализированной правовой помощи и институциональные возможности еще более ограничены, ситуация может быть существенно сложнее.

При этом нельзя не отметить и наличие положительной динамики. По информации, полученной от представителей Коллегии адвокатов, учебным центром Коллегии уже проводятся семинары, направленные на развитие цифровых компетенций адвокатов. Вместе с тем в настоящее время такие программы в основном находятся на базовом уровне и пока не позволяют в полной мере закрыть практические потребности, возникающие при сопровождении дел, связанных с цифровым насилием, цифровыми следами и цифровыми доказательствами. Тем не менее сама постановка этой работы на постоянную основу и разработка дополнительных образовательных программ позволяют говорить о наличии профессионального запроса на углубление специализации, что в перспективе может стать одним из ключевых условий усиления роли адвокатуры в защите пострадавших.

Практическая инфраструктура помощи тоже постепенно расширяется. С января 2026 года Министерство труда, социального обеспечения и миграции запустило круглосуточную горячую линию 5200 для жертв насилия и торговли людьми. По официальной информации, по этой линии можно получить бесплатную, анонимную и конфиденциальную помощь, включая маршрутизацию к психологической, социальной и юридической поддержке. Хотя линия создавалась не специально под цифровое насилие, на практике она может быть важным первым каналом обращения, особенно если цифровой вред связан с домашним, партнерским или сексуализированным насилием.¹¹⁹

Дополнительный ресурс представляет система гарантированной государством юридической помощи. На официальном портале службы юридической помощи при Министерстве юстиции указаны горячая линия 114, бесплатные консультации, возможность получения бесплатного адвоката и сеть центров юридической помощи по республике.¹²⁰

В более широком смысле именно гражданский сектор сегодня работает над тем, что заполняет имеющиеся пробелы, которые пока еще не закрыты государством. Он помогает не только защищать конкретных людей, но и формировать общественный запрос на более точные правовые нормы, более бережные процедуры и более современное понимание вреда, который причиняется человеку в цифровой среде.

Проведенный анализ показывает, что в Кыргызской Республике уже существует нормативная и институциональная база, позволяющая реагировать на отдельные проявления цифрового насилия. Но эта база остается разрозненной, она собрана из норм о клевете и оскорблении, защите от ложной информации, неприкосновенности частной жизни, тайне сообщений, цифровых правах, обработке персональных данных, а также отдельных механизмов гражданско-правовой, административной и уголовно-правовой защиты. Имеющаяся конструкция в той или иной мере позволяет работать с случаями подпадающими под определение цифрового насилия, однако все еще не образует самостоятельной, внутренне согласованной системы защиты личности в цифровой среде.

Главное слабое место правоприменения состоит не только в отсутствии специальных составов, хотя это тоже важно, система пока недостаточно адаптирована процессуально и институционально. Она не всегда быстро фиксирует цифровые доказательства, не всегда обеспечивает конфиденциальность и чувствительность к положению жертвы, не располагает единым маршрутом реагирования, сталкивается с трудностями взаимодействия с платформами и в значительной степени продолжает смотреть на цифровую проблему либо как на киберпреступность, либо как на разновидность уже известных оффлайн-нарушений.

¹¹⁹ Министерство труда, социального обеспечения и миграции Кыргызской Республики. 2026. «Минтруда запустило горячую линию 5200 для жертв насилия и торговли людьми». 27 января 2026 г., доступно по ссылке: <https://mlsp.gov.kg/ru/2026/01/27/mintruda-zapustilo-goryachuyu-liniyu-5200-dlya-zhertv-ot-nasiliya-i-torgovli-lyudmi/>

¹²⁰ Служба юридической помощи при Министерстве юстиции Кыргызской Республики. 2026. «Гарантированная государством юридическая помощь» и «Горячая линия 114», доступ по ссылке: <https://ukuk-jardam.gov.kg/ru> и <https://ukuk-jardam.gov.kg/ru/hot-line>

В контексте изучаемой проблемы было бы уместно говорить о необходимости проведения работы по модернизации имеющихся норм права, в том числе фикции института цифрового насилия не как разрозненного и регулируемого разными нормами, а как единого правового института, закрепленного на уровне соответствующих кодексов.

Так, требуется более четкое нормативное распознавание отдельных форм цифрового насилия, прежде всего распространения интимных изображений, угрозы их распространения, киберсталкинга, доксинга и дипфейк-контента сексуального либо унижающего характера. Также необходимы процессуальные протоколы фиксации цифровых доказательств, включая рекомендации для следствия, прокуратуры, суда и адвокатов. Необходимо обучать правоприменителей не только в части классической киберпреступности, но и в части цифрового насилия как нарушения прав человека. Немаловажно создать систему и методику взаимодействия всех участников процесса защиты прав пострадавших от цифрового насилия, которая предусматривала бы институционально связать правовую помощь, социальную поддержку, кризисные механизмы и процедуры удаления контента в более понятную и дружественную к жертве систему.

Итоговый вывод для настоящего раздела может быть сформулирован так. Кыргызская Республика уже находится в точке, когда цифровое насилие нельзя считать ни чисто академической категорией, ни сугубо маргинальной проблемой. Оно уже присутствует в практике, в СМИ, в правозащитных материалах и в отдельных уголовных и административных делах. Но механизмы ответа на него пока находятся в переходном состоянии. Поэтому дальнейшее развитие должно идти не только через ужесточение санкций, но и через уточнение квалификации, усиление доказательственной базы, развитие межведомственной координации и выстраивание понятного маршрута защиты для пострадавших.

С учетом вышеизложенного можно сделать вывод, что правоприменение в сфере цифрового насилия в Кыргызской Республике фрагментарно не случайно, а следствие отсутствия единого правового и институционального режима защиты. Отдельные нормы существуют, отдельные дела доходят до суда, а некоторые механизмы постепенно развиваются. Однако система в целом пока реагирует на цифровое насилие скорее ситуативно, чем последовательно. Главный вызов для Кыргызской Республики на следующем этапе правовой реформы заключается именно в переходе от разрозненных элементов защиты к формированию согласованной, устойчивой и ориентированной на потерпевшего модели правового реагирования на цифровое насилие.

Проведённый анализ показывает, что, несмотря на наличие отдельных правовых механизмов защиты, система реагирования на цифровое насилие остаётся фрагментарной и во многом зависит от конкретной квалификации деяния, наличия доказательств и возможностей установления личности нарушителя. Вместе с тем правовой анализ сам по себе не отражает полной картины проблемы, поскольку эффективность правовых норм во многом определяется тем, как они воспринимаются и используются в обществе.

Таким образом, в сложившихся условиях НПО фактически выполняют функции, которые надлежало бы обеспечивать государству: первичный контакт с пострадавшими, ориентирование в правовой системе и документирование случаев. Устойчивость данной модели определяется донорским финансированием, а не системной государственной ответственностью. В этой связи особое значение приобретает переход к рассмотрению общественного восприятия цифрового насилия и положения уязвимых групп, поскольку именно социальный контекст определяет реальную степень защищённости человека в цифровой среде. Вместе с тем правоприменительная практика составляет лишь одно из измерений проблемы. Не менее значимым является вопрос о том, как сами пострадавшие воспринимают существующую систему защиты и принимают решение о том, обратиться за помощью или промолчать. Именно это является предметом анализа следующего раздела.

Раздел IV.

Общественное восприятие
цифрового насилия и уязвимые
группы

Раздел IV. Общественное восприятие цифрового насилия и уязвимые группы

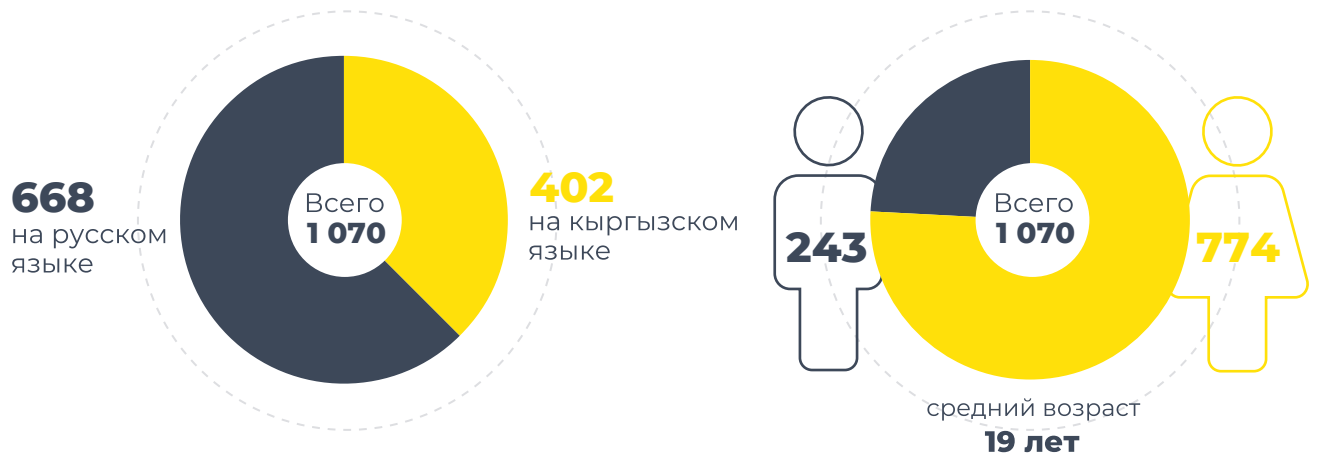
Раздел IV демонстрирует, что институциональная слабость, зафиксированная в Разделах II и III, закономерно воспроизводится в общественном сознании. Низкий уровень обращаемости пострадавших (8,5%), высокая доля замалчивания (42%) и распространённость самоцензуры являются не проявлением индивидуального выбора, а индикатором системного дефицита доверия к механизмам защиты, обусловленного их реальной неэффективностью.

4.1. Методология

Настоящий раздел основан на результатах онлайн-опроса, проведённого среди студентов и студенток высших учебных заведений Кыргызской Республики в рамках исследования «Влияние цифровизации на права человека в Кыргызской Республике». Общий объём выборки составил 1 070 респондентов: 402 заполнили анкету на кыргызском языке (37,6%), 668 на русском (62,4%). Женщины составили 72,3% выборки, мужчины 22,7%, 5,0% предпочли не указывать пол. Медианный возраст участников 19 лет (Таблица 4.1).

Таблица 4.1. Демографические характеристики выборки

Параметр	Значение
Всего респондентов	1 070
Заполнили на кыргызском	402 (37,6%)
Заполнили на русском	668 (62,4%)
Женщин	774 (72,3%)
Мужчин	243 (22,7%)
Предпочли не указывать пол	53 (5,0%)
Медианный возраст	19 лет
Медианный возраст (женщины)	19 лет
Медианный возраст (мужчины)	18 лет

Анкета охватывала пять тематических блоков: распространённость цифрового насилия и личный опыт столкновения с его формами; виды насилия (буллинг, харассмент, груминг, дипфейки, шантаж, доксинг); реагирование и причины не обращения в органы; психологические и поведенческие последствия; практики цифровой безопасности. Анонимность участников обеспечивалась на всех этапах.

При интерпретации результатов необходимо учитывать ряд методологических ограничений. Интернет-опрос не гарантирует статистической репрезентативности генеральной совокупности. Выборка несбалансирована по полу: доля женщин (72,3%) отражает их более высокую вовлечённость в проблематику, однако создаёт риск самоотбора среди мужчин. Часть респондентов давала непоследовательные ответы, что само по себе свидетельствует о недостаточной осведомлённости о видах и границах цифрового насилия.

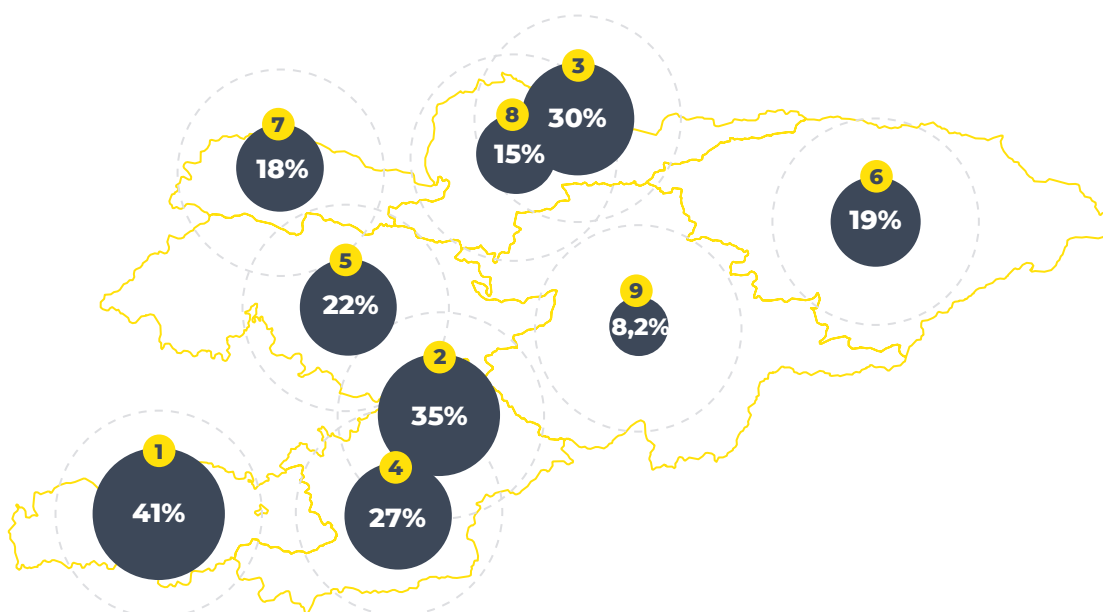
4.2. Основные результаты: распространённость, формы и платформы

Распространённость и региональный срез

Каждый пятый респондент (190 человек) сообщил, что сталкивался хотя бы с одним видом цифрового насилия. Среди мужчин и женщин доля пострадавших сопоставима около 17%. Среди лиц, не указавших пол, показатель значительно выше 39,6%, что более чем вдвое превышает среднее по выборке. Региональное распределение представлено в Таблице 4.2.

Таблица 4.2. Распространённость цифрового насилия по регионам Кыргызской Республики

Регион	Столкнулись с ЦН (%)	Обратились в органы (чел.)	Пострадавших (чел.)
1 Баткенская область	41,0%	2	9
2 г. Ош	35,0%	0	24
3 г. Бишкек	30,0%	1	51
4 Ошская область	27,0%	1	24
5 Джалал-Абадская область	22,0%	7	26
6 Иссык-Кульская область	19,0%	1	15
7 Таласская область	18,0%	1	5
8 Чуйская область	15,0%	0	7
9 Нарынская область	8,2%	3	29

Наиболее высокая распространённость зафиксирована в Баткенской области (41%) и г. Ош (35%). Бишкек при наибольшем абсолютном числе пострадавших (51 человек) даёт долю около 30%. Наименьший показатель в Нарынской области (8,2%). В Джалал-Абадской области удельная обращаемость в органы выше, чем в Бишкеке, что может указывать на большую готовность к взаимодействию с местными институтами в регионах.

Формы насилия и гендерный анализ

Наиболее распространённой формой цифрового насилия оказались навязчивые сообщения и звонки (47,9%), далее буллинг и оскорбления в сети (39%) и получение нежелательных изображений сексуального характера (29,5%). Гендерный анализ: мужчины чаще подвергались буллингу и доксингу; женщины – онлайн-домогательствам и онлайн-грумингу (Таблицы 4.3–4.5).

Таблица 4.3. Формы цифрового насилия, которым подверглись респонденты

Чаще всего респонденты сталкиваются с назойливыми сообщениями и звонками

% респондентов от числа тех, кто сталкивался с цифровым насилием, N=190

Источник: Онлайн-опрос в рамках исследования «Влияние цифровизации на права человека в Кыргызстане».

*Можно было выбрать более одного варианта ответа

Таблица 4.4. Гендерное распределение видов цифрового насилия

Женщины чаще сталкиваются с онлайн-домогательствами и грумингом, чем мужчины

% от числа женщин/мужчин, указавших, что они сталкивались с цифровым насилием

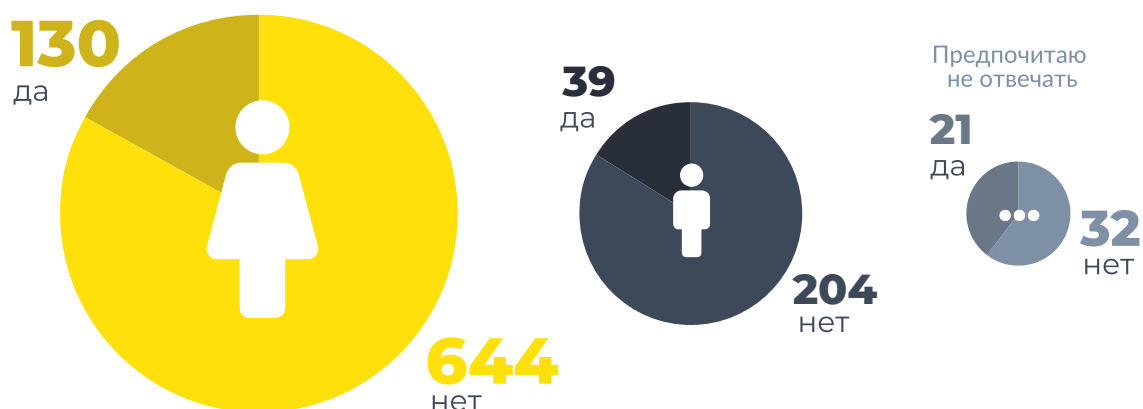

Источник: Онлайн-опрос в рамках исследования «Влияние цифровизации на права человека в Кыргызстане».

Таблица 4.5. Доля пострадавших от цифрового насилия по полу

Женщины охотнее принимали участие в опросе, и число, столкнувшихся с цифровым насилием среди них — больше

число респондентов, ответивших, что они столкнулись хотя бы с одним из видов цифрового насилия (из указанных в анкете или любым другим) по полу

Источник: Онлайн-опрос в рамках исследования «Влияние цифровизации на права человека в Кыргызстане».

Платформы: где происходит насилие

Социальные сети являются доминирующей средой для всех групп. Среди женщин ведущими платформами выступают *Instagram*, *TikTok* и *Telegram* (88,46% случаев буллинга), среди мужчин онлайн-игры (56,0%). *Telegram* занимает особое место в опыте женщин, что обусловлено его широким использованием для учебной коммуникации. Данное распределение требует дифференцированного подхода к цифровой грамотности и механизмам защиты.

Таблица 4.6. Распределение случаев буллинга по платформам (% от числа пострадавших)

Платформа	Женщины	Мужчины	Пол не указан
Социальные сети	88,46%	68,00%	71,43%
Онлайн-игры	23,08%	56,00%	28,57%
Мессенджеры и приложения	17,31%	12,00%	42,86%
Веб-форумы / специализированные сайты	0,00%	8,00%	0,00%

4.3. Реагирование, последствия и уязвимые группы

Реагирование пострадавших и результаты обращений

Лишь 8,5% пострадавших (16 человек) обратились в государственные органы. 10 обращений поступило в правоохранительные органы (МВД, РОВД, ГКНБ): в половине случаев правоохранители ограничились выслушиванием, в другой половине приняли заявление или возбудили производство. При обращениях в иные органы (Институт Акыйкатчы, министерства, Государственное агентство по защите персональных данных) в 7 из 11 случаев пострадавшие не получили результата. Содержательный ответ получен лишь в четырёх обращениях.

Таблица 4.7. Реагирование на цифровое насилие

Большая часть людей, не обращались за помощью, потому что не считали ситуацию цифрового насилия серьезной

Причины, по которым респонденты не обратились в государственные органы, % от не обратившихся за помощью

Источник: Онлайн-опрос в рамках исследования «Влияние цифровизации на права человека в Кыргызстане».

В 65% случаев агрессор не понёс какой-либо ответственности. Административное или уголовное наказание зафиксировано лишь в пяти случаях. Способы обращения: телефон (6 случаев), портал «Тундук» (5 случаев), личная явка (4 случая).

Таблица 4.8. Способы обращения пострадавших в государственные органы

Способ обращения	Число случаев
По телефону	6
Через портал «Тундук»	5
Заявление по месту проживания	4
Иные способы	1

Наиболее распространённая причина необращения субъективное восприятие ситуации как «несерьёзной»: 42% пострадавших не рассказали о произошедшем никому. Среди прочих причин: страх осуждения со стороны семьи и общества; недоверие к правоохранительным органам; неосведомлённость о механизмах за-

щиты; убежденность в их неэффективности. В Бишкеке городе с наибольшим числом пострадавших лишь один респондент обратился в органы. Это свидетельствует о том, что ни осведомленность о проблеме, ни близость к государственным институтам не компенсируют системного дефицита доверия к ним.

Психологические и поведенческие последствия

40% столкнувшихся с цифровым насилием испытывали стресс, тревожность или депрессию; 10,5% нарушения сна. Значительная доля пострадавших закрывала аккаунты, удаляла фотографии, сокращала публикации (Таблицы 4.9, 4.10).

Таблица 4.9. Последствия цифрового насилия для пострадавших

Последствие	% среди пострадавших
Стресс, тревожность или депрессия	40%
Проблемы со сном	10,5%
Закрытие / удаление аккаунтов в социальных сетях	Значительная доля
Смена аватара, удаление фотографий	Значительная доля
Снижение активности публикаций	Значительная доля
Не рассказали никому о произошедшем	42%

Таблица 4.10. Последствия цифрового насилия в гендерном разрезе

Последствие	Женщины	Мужчины
Стресс, тревожность или депрессия	47,69%	25,64%
Никак не повлияло	26,15%	33,33%
Закрыл(-а) аккаунт	20,77%	12,82%
Стал(-а) более активным(-ой) в сети	5,38%	17,95%

Гендерная закономерность показательна: женщины уходят из публичного цифрового пространства (закрытие аккаунтов 20,77%), тогда как мужчины чаще наращивают онлайн-активность (17,95%). Цифровое насилие непропорционально ограничивает участие женщин в цифровой жизни общества.

Цифровая безопасность: уровень защищённости

Большинство студентов предпринимают лишь базовые меры цифровой безопасности. Двухфакторную аутентификацию применяют 28,69% опрошенных, проверку подлинности аккаунтов 20,47%. Среди пострадавших выше доля проводящих в интернете свыше 5 часов в сутки: 47% против 38% среди не пострадавших.

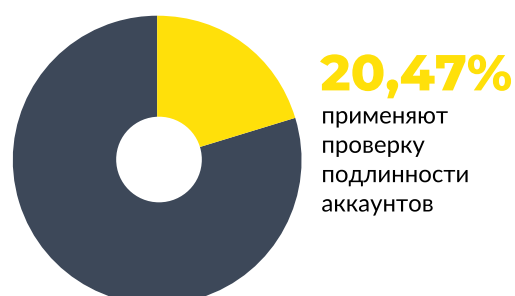
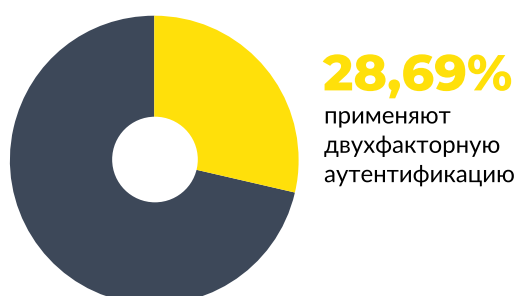
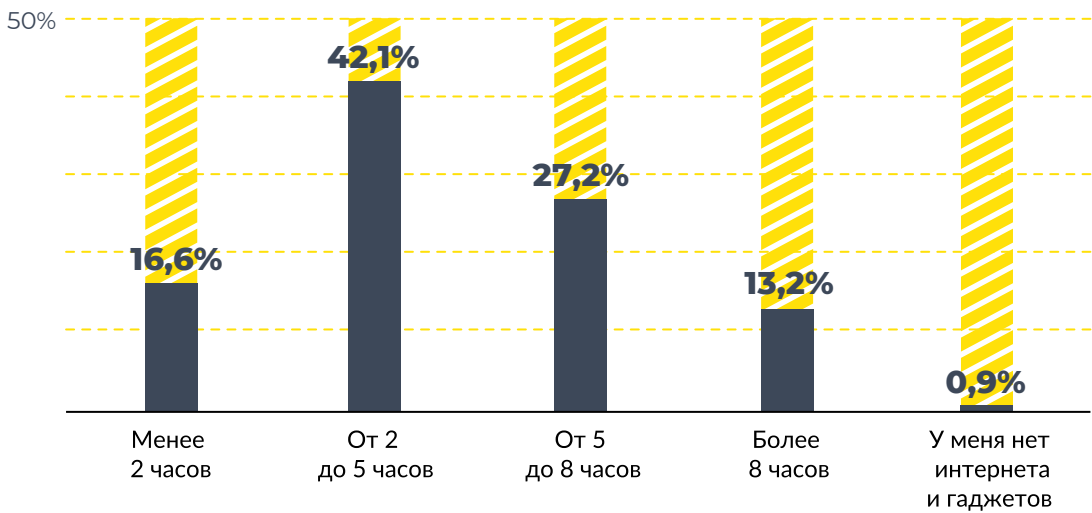

Таблица 4.11. Время проведения в интернете

Больше половины респондентов проводят в интернете до пяти часов в день

Ответы на вопрос: «Сколько времени ежедневно вы проводите в интернете?», % респондентов

Источник: Онлайн-опрос в рамках исследования «Влияние цифровизации на права человека в Кыргызстане».

Таблица 4.12. Меры цифровой безопасности среди опрошенных студентов

Мера цифровой безопасности	% респондентов
Использую сложные пароли	57,29%
Не сообщаю пароли и PIN-коды другим лицам	46,45%
Не перехожу по сомнительным ссылкам	42,43%
Не предоставляю доступ к телефону или аккаунтам	35,98%
Использую двухфакторную аутентификацию	28,69%
Закрываю аккаунты в социальных сетях	27,94%
Проверяю подлинность аккаунтов	20,47%
Не использую Face ID	14,11%
Применяю все перечисленные меры	15,61%
Не применяю ни одной меры	4,02%

Треть опрошенных не ощущают себя в безопасности в онлайн-среде. Регионы с наибольшей распространённостью цифрового насилия (Бишкек, Ош, Ошская и Баткенская области) демонстрируют наибольшую долю лиц, не ощущающих себя защищёнными онлайн: от 50 до 55%.

1/3 опрошенных не ощущают себя в безопасности в онлайн-среде

Уязвимые группы

Анализ данных позволяет выделить четыре группы, подвергающиеся цифровому насилию непропорционально часто.

Молодые женщины.

Значительно чаще становятся жертвами онлайн-домогательств, онлайн-грумминга и дипфейков: 9 из 10 задокументированных случаев создания дипфейков касались женщин. Ведущие платформы насилия *Instagram*, *TikTok* и *Telegram*. Данные подтверждаются исследованием Таалим-Форума (2026, n = 2 096): регулярные угрозы фиксируются у 21,3% девушек против 8,6% юношей.¹²¹

Лица, не указавшие пол.

53 человека (5% выборки): почти 40% из них сообщили о столкновении с цифровым насилием более чем вдвое выше среднего. Это указывает на особую уязвимость лиц, сталкивающихся с дискриминацией по гендерному признаку.

Активные пользователи интернета.

Среди проводящих онлайн 5 и более часов в день доля пострадавших составляет 47% против 38% у менее активных пользователей.

Лица, незнакомые с механизмами правовой защиты.

Лишь 8,5% обратились в органы. Большинство остальных «не считали ситуацию серьёзной» прямое следствие дефицита правового просвещения.

Таблица 4.13. Основные факторы уязвимости в отношении цифрового насилия

Основные факторы уязвимости

- > Женский пол особенно в контексте онлайн-домогательств, грумминга и дипфейков
- > Непринадлежность к бинарным гендерным категориям риск вдвое выше среднего
- > Высокая интенсивность онлайн-активности (5 и более часов в день)
- > Низкая цифровая грамотность и недостаточный уровень цифровой гигиены
- > Отсутствие знаний о правовых механизмах защиты
- > Давление социального окружения и страх стигматизации
- > Проживание в культурной среде, где обсуждение насилия табуировано

Голоса пострадавших: данные фокус-групп

Качественный компонент исследования фиксирует единую закономерность: страх и стыд пронизывают опыт пострадавших как со стороны агрессора, так и со стороны системы реагирования. Переложение ответственности на жертву и институциональное равнодушие функционируют как взаимоусиливающие факторы замалчивания.

¹²¹ Вызовы онлайн-агрессии среди подростков и молодежи в Кыргызстане. Аналитическая записка 2026, доступно по ссылке: <https://www.taalimforum.kg/projects/digital-hate-project-ru>

Страх и отсутствие доказательств:

«Я боялась негативных последствий или огласки.» — Женщина, 19 лет, Джалал-Абадская область

«У меня не было доказательств — скриншотов, переписки — поэтому я не могла ничего сделать.» — Женщина, 17 лет, г. Ош

Недоверие к государственным институтам:

«Никуда - если дело не касается шантажа, обращаться в милицию бессмысленно.» — Мужчина, 16 лет, г. Бишкек

«Я не верила, что мне смогут помочь. Решила решить проблему самостоятельно.» — Женщина, 22 года, г. Бишкек

«Выслушали и отправили домой.» — Мужчина, 16 лет, Джалал-Абадская область

Переложение ответственности на жертву и равнодушие окружения:

«Меня обвинили в том, что я сама виновата.» — Женщина, 17 лет, Джалал-Абадская область

«Люди остались равнодушны.» — Несколько респондентов

«Родители поругали и объяснили, что боялись за меня.» — Женщина, 16 лет

Поддержка и солидарность:

«Меня поддержали все за меня заступились близкие, и человек отстал.» — Женщина, 22 года, г. Бишкек

«Это мотивировало меня помогать другим - сначала был стресс, потом пришло спокойствие.» — Женщина, 13 лет, Иссык-Кульская область

Груминг в детском возрасте:

«Когда мне было 14-15 лет, со мной общались люди 18-30 лет. Они ничего плохого не сделали, но сейчас я вспоминаю это как нечто тревожное.» — Женщина, 20 лет, г. Бишкек

4.4. Промежуточные выводы

Данные опроса и материалы фокус-групп позволяют сформулировать пять системных выводов.

Системная недооценка проблемы. Расхождение между реальным вредом (стресс, тревожность, нарушение сна, самоцензура) и субъективным восприятием ситуации как «несерьёзной» является центральной проблемой, требующей адресного правового просвещения.

Дефицит доверия к государственным институтам. Лишь 8,5% пострадавших обратились за защитой. Устойчивой тенденцией является минимизация проблемы, а не обращение за помощью.

Культура молчания. 42% пострадавших не сообщали о произошедшем никому. Замалчивание поддерживается культурными нормами, гендерными стереотипами и отсутствием безопасных каналов обращения. Молчание пострадавших — рациональный ответ на реальную неэффективность системы защиты.

Непропорциональная уязвимость отдельных групп. Молодые женщины, лица с нераскрытой гендерной идентичностью и активные пользователи интернета нуждаются в адресных инструментах поддержки и правовой защиты.

Дефицит цифровой грамотности и правовой осведомлённости. Уровень осведомлённости о правовых механизмах защиты остаётся критически низким. Повышение цифровой грамотности и правовое просвещение являются приоритетными направлениями профилактической работы.

Совокупность зафиксированных данных органично дополняет правовой и институциональный анализ предшествующих разделов. Низкий уровень обращаемости, культура молчания и самоцензура являются социальным результатом системного дефицита защиты. Взаимодействие нормативных, институциональных, правоприменительных и социальных разрывов составляет предмет аналитического синтеза в Разделе V.

Раздел V.

Системные пробелы
институционального
реагирования: четырех
уровневый подход

Раздел V. Системные пробелы институционального реагирования: четырех уровневый подход

Разделы I–IV зафиксировали проблему цифрового насилия на четырёх уровнях. Задача настоящего раздела состоит в том, чтобы показать: эти уровни не являются параллельными и независимыми они причинно связаны. Каждый из них порождает следующий, и все вместе они образуют самовоспроизводящуюся систему, устойчивую к точечным вмешательствам. Именно поэтому реформа в данной сфере не может быть точечной она должна быть системной.

5.1. Нормативный разрыв: отсутствие правовой дефиниции и специальных составов

Первый и наиболее фундаментальный уровень дефицита — нормативный. Действующее законодательство Кыргызской Республики не содержит правового определения «цифрового насилия» как самостоятельной правовой категории. Это не технический недочёт законодателя, а структурный выбор, при котором государство де-факто не признаёт цифровой вред самостоятельной формой нарушения прав человека.

Уголовный кодекс, Кодекс о правонарушениях, Цифровой кодекс, законодательство о семейном насилии и о персональных данных фиксируют отдельные аспекты вреда, но не образуют единой нормативной конструкции. В результате формируется правовой вакуум, при котором деяния, квалифицируемые в развитых правовых системах как самостоятельные составы (киберсталкинг, доксинг, сексуализированные дипфейки, неконсенсуальное распространение интимных материалов), в Кыргызской Республике существуют либо вне правового поля, либо квалифицируются через аналогию со смежными нормами.

Принятый в 2025 году Цифровой кодекс обозначил важный технологический сдвиг: впервые на законодательном уровне закреплено определение дипфейка и введена обязанность раскрывать информацию об использовании искусственного интеллекта при создании синтетического контента. Это свидетельствует о том, что государство начинает признавать новый класс угроз. Однако Цифровой кодекс регулирует архитектуру цифровой среды, а не поведение агрессора: он не создаёт ни состава ответственности за сексуализированные дипфейки, ни процедуры срочного удаления вредоносного контента, ни специальных мер защиты пострадавших. Цифровой кодекс — необходимое, но недостаточное условие защиты от цифрового насилия.

Сравнительный анализ показывает, что даже ближайший ориентир Казахстан уже преодолел этот рубеж: введены специальные нормы о кибербуллинге, онлайн-груминге и цифровом преследовании, формируется судебная практика. Молдова избрала путь прямой криминализации; Канада расширила понятие семейного насилия на цифровое измерение; Бразилия создала механизмы ответственности за вред, причинённый с использованием генеративного искусственного интеллекта. Европейский суд по правам человека последовательно применяет доктрину позитивных обязательств государства, требуя не просто воздержания от вмешательства, но активной защиты личности от частных угроз, в том числе в цифровой среде.

Кыргызская Республика находится на этапе, когда международные стандарты уже сформированы, однако национальная правовая рамка ещё не инкорпорировала их в форме конкретных составов и процедур. Нормативный разрыв представляет собой системный потолок для всей системы защиты: при отсутствии состава отсутствует квалификация; при отсутствии квалификации — алгоритм действий; при отсутствии алгоритма — предсказуемая защита.

5.2. Институциональный дефицит: разрозненные органы без координации

Второй уровень дефицита прямо вытекает из первого. Поскольку цифровое насилие не определено как единая правовая категория, оно распределяется по отдельным ведомственным направлениям, каждое из которых обслуживается самостоятельным органом. МВД реагирует на угрозы и шантаж. Министерство цифрового развития отвечает за кибербезопасность инфраструктуры. Государственное агентство по защите персональных данных ведёт контроль соблюдения режима данных. Министерство образования регулирует кибербуллинг в школьной среде. Институт Акыйкатчы (Омбудсмен) проводит исследования и правозащитную работу.

Каждый из этих органов действует в пределах своего мандата, однако ни один не несёт ответственности за цифровое насилие как системный межведомственный феномен. Следствием этой архитектуры является не просто административная разрозненность, но структурно обусловленная неопределённость для пострадавшего. Человек, столкнувшийся с цифровым насилием, вынужден самостоятельно определять компетентный орган: сексуализированный шантаж — это для МВД или для Агентства по защите персональных данных? Дипфейк-порно уголовное дело или нарушение Цифрового кодекса? Систематическое онлайн-преследование бывшим партнёром семейное насилие или киберпреступление? Система де-факто перекладывает на жертву задачу правовой навигации в тот момент, когда жертва наименее способна с ней справиться.

Показательно, что именно гражданский сектор Институт Акыйкатчы, НПО, кризисные центры в значительной мере компенсирует этот дефицит координации, выполняя функции первичного контакта, документирования и ориентирования пострадавших. Это не достижение: это индикатор системного сбоя.

Фрагментированность институциональной архитектуры прямое следствие нормативного разрыва. Пока цифровое насилие не определено как единая правовая категория, у него не будет институционального субъекта, несущего системную ответственность за политику реагирования, мониторинг, профилактику и поддержку пострадавших.

5.3. Правоприменительный разрыв: случаи и интервью как свидетельство системной неэффективности

Третий уровень дефицита правоприменительный описывает то, как нормативный и институциональный разрывы реализуются в конкретных делах. Анализ документированных случаев из территориальных подразделений МВД и открытых публикаций в средствах массовой информации обнаруживает устойчивую воспроизводящуюся картину: цифровые следы присутствуют, правовой вред очевиден, однако процессуальный результат непредсказуем.

Пять задокументированных случаев описывают одну и ту же логику: исход дела определяется не тяжестью вреда, а случайным стечением процессуальных обстоятельств анонимностью нарушителя, наличием двусторонних доказательств, доступностью платформы, готовностью дознавателя к работе с цифровым следом:

Таблица 5.1. Документированные случаи цифрового насилия: исходы и ключевые факторы

Ситуация	Исход	Ключевой фактор
Угрозы физической расправой и цифровой контроль бывшего партнёра	Прекращено на стадии досудебного производства	Доказательства (скриншоты, аудиозаписи) признаны недостаточными
Сексуализированный шантаж	Доведено до суда	Двусторонний осмотр устройств обеспечил доказательную базу
Анонимные угрозы через трансграничную платформу	Приостановлено	Нарушитель не установлен
Кибербуллинг несовершеннолетнего в групповом чате мессенджера	Протокол о правонарушении	Нарушитель сам признал факт публикаций
Угроза публикации сфабрикованного дипфейк-контента	Прекращено	Специального правового механизма реагирования не предусмотрено

Интервью с сотрудниками территориальных подразделений МВД, адвокатами и юристами подтверждают и детализируют эту картину. Практикующие специалисты прямо указывают на системные барьеры: фейковые аккаунты и иностранные номера телефонов, нехватка специалистов в области цифровой криминалистики, отсутствие IT-лабораторного оснащения в Судебно-экспертной службе, невозможность получить данные от трансграничных платформ (*Telegram, TikTok, Meta*) в разумные сроки. Нотариальное удостоверение скриншота остаётся единственным доступным на практике способом фиксации цифрового доказательства при том что ISO/IEC 27037 указывает на его недостаточность без верификации хеш-значений, метаданных и источника. В ситуации, когда агрессор располагает временем на удаление контента, пока пострадавший разыскивает нотариуса, эта процедурная слабость становится системным преимуществом нарушителя.

Анализ судебной практики по ст. 190 (186) УК Кыргызской Республики (83 уголовных дела 2019–2023 гг.) показывает, что цифровое насилие присутствует в материалах уголовных дел, однако не как самостоятельная категория. Оно «растворяется» в делах о нарушении неприкосновенности частной жизни, клевете, оскорблении: цифровая среда квалифицируется как способ совершения уже известного деяния, а не как самостоятельный контекст, создающий особую уязвимость жертвы. Эта квалификационная инертность воспроизводит нормативный разрыв первого уровня на стадии применения права.

Неэффективность правоприменения обусловлена тремя структурными дефицитами: отсутствием квалификационной определённости (нет состава нет алгоритма действий), технической неготовностью (нет лабораторий, нет стандартов цифровых доказательств, нет специалистов) и платформенной изолированностью (нет правовых механизмов взаимодействия с *Telegram, TikTok, Meta*). В совокупности это означает, что в цифровой среде агрессор системно защищён в большей степени, чем жертва и это результат не случайности, а архитектуры системы.

5.4. Социальный разрыв: данные опроса как отражение институциональной неэффективности

Четвёртый уровень дефицита социальный описывает, как нормативный, институциональный и правоприменительный разрывы воспринимаются и воспроизводятся в общественном сознании. Результаты опроса 1 070 студентов не просто документируют масштаб проблемы: они показывают, что общество уже выработало устойчивые поведенческие адаптации к существованию в условиях дефицитной защиты.

Каждый пятый из опрошенных (17—18% как среди женщин, так и среди мужчин) сталкивался с цифровым насилием; среди лиц, не указавших пол, почти 40%. Психологические последствия реальны: 40% пострадавших испытывали стресс, тревожность или депрессию; 10,5% нарушения сна. Значительная часть была вынуждена закрывать аккаунты, удалять фотографии, сокращать онлайн-активность. Самоцензура стала не исключением, а нормой поведенческой адаптации к угрозе.

**Психологические
последствия реальны:**

Три показателя образуют причинно-следственную цепочку: 42% пострадавших не рассказали о произошедшем никому; 8,5% обратились в государственные органы; 65% не располагают сведениями о каких-либо последствиях для агрессора. Это не три независимых показателя каждое звено питает следующее. Замалчивание является следствием ожидаемой бесполезности; бесполезность подтверждается реальным опытом тех, кто всё же обратился: из 10 обращений в МВД лишь в половине было возбуждено дело; большинство обращений в иные органы завершились перенаправлением или формальным уведомлением.

Качественные данные фокус-групп раскрывают механизм замалчивания: за молчанием пострадавших стоят страх огласки, ожидание переложения ответственности («меня обвинили в том, что я сама виновата»), убеждённость в бессмысленности обращения («обращаться в милицию бессмысленно»). Это не субъективный пессимизм - это рациональный вывод из реального опыта взаимодействия с системой.

Гендерный срез добавляет ещё одно измерение. Женщины непропорционально часто становятся жертвами онлайн-домогательств, онлайн-груминга и дипфейк-насилия: 9 из 10 задокументированных случаев создания дипфейков касались женщин. *Instagram*, *TikTok* и *Telegram* платформы, где женщины наиболее публично присутствуют, одновременно являются пространствами наибольшей уязвимости (88% случаев буллинга у женщин). Цифровое насилие является одновременно гендерной проблемой и проблемой свободы выражения.

Таким образом, низкая обращаемость пострадавших, культура молчания и самоцензура не проявления индивидуальной пассивности, а закономерный социальный результат трёх предшествующих уровней системного дефицита.

5.5. Взаимодействие уровней: механизм взаимного усиления дефицитов

Четыре выявленных уровня дефицита не являются независимыми, параллельными проблемами. Они образуют единую каузальную систему, в которой каждый уровень усиливает и воспроизводит следующий.

Схема 5.1. Взаимодействие уровней институционального дефицита

Обратная связь: чем меньше дел — тем ниже запрос на нормативную реформу.

Именно обратная связь делает систему устойчивой: чем меньше дел доходит до правоохранительных органов (социальный разрыв), тем слабее практический запрос на реформу составов и процедур (нормативный разрыв). Выход из этого порочного круга невозможен через точечное вмешательство на одном уровне — он требует скоординированного реформирования всех четырёх уровней одновременно.

5.6. Цифровое насилие как межсекторальная проблема прав человека

Синтез четырёх уровней анализа позволяет сформулировать итоговый теоретический вывод настоящего исследования. Цифровое насилие в Кыргызской Республике — это не киберпреступность в узком смысле, не разновидность семейного насилия (хотя и пересекается с ним) и не сугубо технологическая проблема. Это межсекторальная проблема прав человека, требующая одновременного ответа в нескольких измерениях.

Право на неприкосновенность частной жизни (ст. 12 Всеобщей декларации прав человека,¹²² ст. 17 МП-ГПП,¹²³ ст. 29 Конституции Кыргызской Республики¹²⁴ позиция ЕСПЧ по позитивным обязательствам) нарушается через доксинг, несанкционированный доступ к персональным данным, слежку и сексуализированные дипфейки.

Право на свободу выражения нарушается через вынужденную самоцензуру (42% замолчавших) и уход из цифрового публичного пространства.

¹²² Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года, доступно по ссылке: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml

¹²³ Международный пакт о гражданских и политических правах
Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года, доступно по ссылке: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml

¹²⁴ Конституция Кыргызской Республики от 5 мая 2021 года (принятый референдумом (всенародным голосованием) 11 апреля 2021 года, доступно по ссылке: <https://cbd.minjust.gov.kg/1-2/edition/1202952/ru>

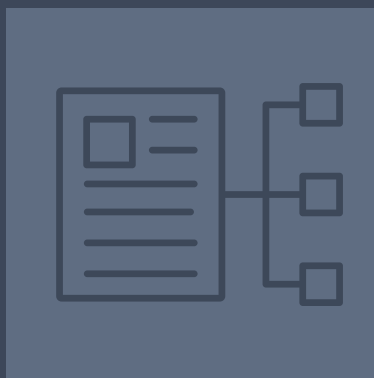
Запрет гендерной дискриминации нарушается через непропорциональное воздействие на женщин, особенно на публичных персон (журналисток, активисток), и через сексуализированные формы насилия.

Право на достоинство и психологическую безопасность нарушается через задокументированные последствия: стресс, тревожность, нарушения сна у каждого третьего-четвёртого пострадавшего.

Право на участие в цифровой жизни общества нарушается в мире, где цифровое присутствие становится условием полноценного социального, профессионального и политического участия.

Именно поэтому реформа в данной сфере не может быть сведена к принятию одной нормы или к созданию одного ведомства. Она требует того, что в международном праве прав человека именуется должной осмотрительностью (*due diligence*) государства: последовательных мер на законодательном, институциональном, процессуальном и профилактическом уровнях в целях предотвращения цифрового насилия, его расследования, привлечения виновных к ответственности и обеспечения защиты пострадавших. Это обязательство вытекает из Пекинской платформы действий (национальный обзор «Пекин+30» прямо фиксирует онлайн-насилие в отношении женщин в Кыргызской Республике), резолюций ООН о праве на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху и позитивных обязательств государства по смыслу практики ЕСПЧ.

Настоящее исследование впервые в кыргызстанском академическом и политическом дискурсе документирует все четыре уровня системного дефицита в единой аналитической рамке, подкреплённой эмпирическими данными (1 070 респондентов, интервью с практиками, анализ случаев, судебная практика). Это позволяет перейти от общих констатаций к конкретным, адресным и взаимосвязанным рекомендациям, представленным в Заключение.

Заключение

Заключение

Проведённое исследование показало, что цифровое насилие является значимой и системно недооценённой социально-правовой проблемой в Кыргызской Республике. Каждый пятый студент сталкивался хотя бы с одной из его форм; 42% пострадавших не сообщали о произошедшем никому; в 65% случаев лица, совершившие противоправные действия, не понесли какой-либо ответственности. Эти данные свидетельствуют о существенном разрыве между формально существующими механизмами правовой защиты и их фактической эффективностью.

Ответы на ключевые исследовательские вопросы

1. Как регулируется цифровое насилие на уровне законодательства и государственной политики?

Регулирование носит фрагментарный характер: отдельные аспекты охватываются нормами о защите персональных данных, неприкосновенности частной жизни, противодействии угрозам и клевете, информационной безопасности, защите детей и предупреждении семейного насилия. Государственная политика реализуется через разрозненные ведомственные направления, что приводит к институциональной разобщённости и отсутствию единого координационного механизма. Принятый в 2025 году Цифровой кодекс Кыргызской Республики обозначил важный технологический сдвиг, однако комплексная нормативная модель противодействия цифровому насилию пока не сформирована.

2. Насколько эффективно действующие механизмы защиты применяются на практике?

Реагирование носит преимущественно ситуативный и непоследовательный характер. Правоохранительные органы способны идентифицировать отдельные проявления цифрового насилия, однако вынуждены квалифицировать их через смежные составы. Дополнительными факторами, снижающими эффективность правоприменения, являются дефицит специалистов в области цифровой криминалистики, отсутствие унифицированных стандартов работы с цифровыми доказательствами и ограниченные возможности взаимодействия с трансграничными цифровыми платформами.

3. С какими барьерами сталкиваются пострадавшие и правоприменители? Исследование выявило взаимосвязанный комплекс технических (ограниченная инфраструктура цифровой криминалистики, нехватка специалистов), процессуальных (отсутствие единых стандартов квалификации и расследования, трудности получения данных от иностранных платформ) и социальных барьеров (страх огласки, переложение ответственности на жертву, низкое доверие к правоохранительным органам, недостаточная правовая осведомлённость).

4. Как цифровое насилие воспринимается обществом? Зафиксирована парадоксальная ситуация: при высокой распространённости цифрового насилия его общественная опасность продолжает недооцениваться. Большинство пострадавших не обращаются за помощью, однако реальные последствия проявляются в виде психологического стресса, тревожности, нарушений сна и самоцензуры. Сложившаяся ситуация свидетельствует о постепенной нормализации отдельных форм цифрового насилия в общественном сознании.

5. Какие меры необходимы для повышения эффективности защиты? Необходим переход от фрагментарного и реактивного подхода к комплексной модели предупреждения и противодействия цифровому насилию, основанной на нормативной определённости, межведомственной координации, специализированной правоприменительной практике, надлежащих стандартах работы с цифровыми доказательствами и доступных инструментах защиты для пострадавших. Конкретные меры представлены в матрице рекомендаций ниже.

Ключевой вывод

Проблема противодействия цифровому насилию в Кыргызской Республике обусловлена не столько отсутствием правовых норм как таковых, сколько недостаточной согласованностью и функциональной эффективностью существующей системы регулирования. Отдельные нормативные положения существуют, профильные государственные органы осуществляют деятельность, отдельные случаи доходят до стадии судебного рассмотрения. Однако совокупность этих элементов не образует единого и функционально взаимосвязанного механизма защиты прав человека в цифровой среде.

Именно поэтому проблема цифрового насилия не может быть решена посредством принятия одного нормативного акта или создания отдельного административного механизма. Необходим комплексный подход, предполагающий последовательные реформы на нормативном, институциональном, процессуальном и образовательном уровнях.

Таблица 3.1. Матрица рекомендаций по системному противодействию цифровому насилию в Кыргызской Республике

Матрица рекомендаций

Проблема	Последствие	Рекомендация	Ответственный орган
Краткосрочные меры (0–12 месяцев)			
Отсутствие единого правового определения цифрового насилия	Невозможность однозначной квалификации; непоследовательность правоприменения	Принять законодательное определение цифрового насилия и специальные составы (киберсталкинг, доксинг, сексуализированные дипфейки, сексторшн) в УК и Кодексе о правонарушениях	Жогорку Кенеш; Министерство юстиции
Отсутствие стандартов работы с цифровыми доказательствами	Доказательства легко уничтожаются; нотариальное удостоверение скриншотов недостаточно	Принять процессуальные протоколы сбора цифровых доказательств в соответствии с ISO/IEC 27037	МВД; Министерство юстиции; Судебно-экспертная служба
Фрагментированность государственной политики; отсутствие координирующего органа	Дублирование функций; отсутствие единой стратегии реагирования	Создать межведомственную рабочую группу с участием МВД, Минюста, Минцифры, Минтруда и НПО	Кабинет Министров; Администрация Президента
Среднесрочные меры (1–3 года)			
Техническая неготовность правоохранительных органов	Доказательства утрачиваются из-за нехватки экспертного потенциала	Оснастить Судебно-экспертную службу; создать специализированные IT-подразделения в следственных органах	МВД; Судебно-экспертная служба
Отсутствие механизмов взаимодействия с трансграничными платформами	Невозможность установить личность нарушителя; утрата доказательств	Разработать правовые механизмы взаимодействия с платформами; закрепить обязательство хранения данных и реагирования на запросы правоохранительных органов	Министерство цифрового развития; МВД; Министерство юстиции
Недостаточные компетенции правоприменителей и адвокатов	Неверная квалификация; отказ от регистрации; недоступность правовой помощи	Ввести обязательные программы повышения квалификации для следователей, прокуроров, судей и адвокатов; обновить образовательные стандарты юридических вузов	Академия МВД; Коллегия адвокатов; Министерство образования

Низкое доверие пострадавших; культура молчания и самоцензура	Большинство случаев остаётся нераскрытыми; ограничение свободы выражения	Реализовать национальные просветительские кампании; интегрировать правовое просвещение в университетские программы; поддержать роль НПО как первичного контактного звена	Министерство труда; Институт Акыйкатчы; НПО; университеты
Долгосрочные меры (3+ лет)			
Отсутствие постоянного координирующего органа	Отсутствие устойчивой институциональной основы	Преобразовать межведомственную рабочую группу в постоянный координирующий совет с закреплёнными полномочиями и бюджетом	Кабинет Министров; Администрация Президента
Отсутствие систематического мониторинга масштабов цифрового насилия	Невозможность оценить эффективность мер и скорректировать политику	Создать национальную систему мониторинга и сбора статистики случаев цифрового насилия с регулярной публичной отчётностью	Министерство цифрового развития; Нацстатком; НПО
Отсутствие государственной стратегии цифровой безопасности личности	Разрозненные меры не складываются в системный ответ	Разработать и принять Национальную стратегию цифровой безопасности личности с планом действий, финансированием и механизмом оценки результатов	Администрация Президента; Кабинет Министров; Жогорку Кенеш

Научная и практическая значимость исследования

Настоящее исследование вносит вклад в развитие научного и прикладного понимания цифрового насилия в Кыргызской Республике по четырём направлениям.

Во-первых, оно представляет собой одно из первых комплексных исследований данной проблематики, основанное на сочетании правового анализа, эмпирического опроса, экспертных интервью и анализа практических случаев.

Во-вторых, исследование рассматривает цифровое насилие как междисциплинарную проблему, находящуюся на пересечении цифрового права, прав человека, гендерной политики, кибербезопасности и государственного управления.

В-третьих, работа формирует доказательную основу для разработки законодательных и институциональных реформ, направленных на повышение эффективности защиты граждан в цифровой среде.

В-четвёртых, результаты исследования могут служить методологической основой для сравнительных исследований в государствах Центральной Азии и способствовать развитию региональной повестки в сфере цифровых прав и цифровой безопасности.

Перспективы дальнейшего развития

Период 2025–2026 годов создаёт благоприятные условия для совершенствования национальной системы противодействия цифровому насилию. Принят Цифровой кодекс Кыргызской Республики, инициированы реформы в сфере цифровых доказательств, формируются механизмы поддержки пострадавших. Региональный контекст также благоприятен: законодательные инициативы Республики Казахстан формируют сравнительный ориентир, международные стандарты в области цифровых прав человека продолжают развиваться.

В совокупности указанные обстоятельства создают реальное окно возможностей для построения комплексной и устойчивой системы предупреждения и противодействия цифровому насилию, основанной на принципах верховенства права, уважения прав человека и эффективного государственного управления. Настоящее исследование призвано обеспечить доказательную и аналитическую основу для реализации этой возможности.

Список литературы

Международные документы и исследования

1. Структура ООН-женщины. (2025). Цифровое насилие усиливается, однако почти половина женщин и девочек в мире не имеют правовой защиты от цифрового насилия, доступно по ссылке: [UN Women](#)
2. Кампания Cyber Civil Rights Initiative. Statistics on Revenge Porn, доступно по ссылке: [Cyber Civil Rights Initiative](#)
3. Измерение распространенности онлайн-насилия в отношении женщин, доступно по ссылке: [Online Violence Against Women](#)
4. Организация Объединённых Наций. Резолюция «Право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху» A/RES/68/167 от 18 декабря 2013 года и последующие обновляющие резолюции.
5. Совет по правам человека ООН. Доклад Специального докладчика ООН по вопросу о насилии в отношении женщин, его причинах и последствиях относительно сетевого насилия в отношении женщин и девочек в ракурсе прав человека, A/HRC/38/47 (2018), доступно по ссылке: [UN Docs](#)
6. Совет Европы. (2021). Защита женщин и девочек от насилия в цифровую эпоху. Значение Стамбульской конвенции и Будапештской конвенции о компьютерных преступлениях для борьбы с насилием в отношении женщин, осуществляемым с применением интернета и современных технологий, доступно по ссылке: [Council of Europe Study](#)
7. Совет Европы. (2024). Директива (ЕС) 2024/1385 о борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье, доступно по ссылке: [Council of Europe Cyberviolence](#)
8. ОБСЕ. (2023). Руководство по мониторингу онлайн-насилия в отношении женщин-журналисток, доступно по ссылке: [OSCE Guide](#)
9. Организация Объединённых Наций. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/77/211 «Право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху» от 15 декабря 2022 года, доступно по ссылке: [UN Documents](#)
10. Управление ООН по наркотикам и преступности. Специальный комитет ООН по разработке конвенции о киберпреступности, доступно по ссылке: [UNODC Cybercrime Committee](#)
11. Совет Европы. Стамбульская конвенция (Конвенция о предупреждении насилия в отношении женщин и насилия в семье и борьбе с ним), доступно по ссылке: [Istanbul Convention](#)
12. Совет Европы. Будапештская конвенция о киберпреступности, доступно по ссылке: [Budapest Convention](#)
13. Европейский Союз. Directive (EU) 2024/1385 on combating violence against women and domestic violence, доступно по ссылке: [EUR-Lex](#)
14. ОБСЕ. Решения Совета министров ОБСЕ, доступно по ссылке: [OSCE Ministerial Councils](#)
15. ОБСЕ. Руководящие принципы ОБСЕ по гендерному равенству и безопасности, доступно по ссылке: [OSCE Guidelines](#)

Международно-правовые акты

16. Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией 217 A (III) Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций от 10 декабря 1948 г. // Организация Объединённых Наций, доступно по ссылке: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
17. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций от 16 декабря 1966 г. // Организация Объединённых Наций. доступно по ссылке: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml

Международная практика и судебные дела

18. Структура ООН-женщины Молдовы. (2025). Молдова вводит уголовную ответственность за цифровое насилие, доступно по ссылке: [UN Women Moldova](#)
19. Luke's Place. (2026). Case Summary: Cyberbullying Recognized as Family Violence, доступно по ссылке: [Luke's Place](#)
20. Brazil: Decree to Combat Misogyny on Social Media Prohibits the Use of AI to Produce Intimate Content Involving Women, доступно по ссылке: [Business & Human Rights Resource Centre](#)
21. "Red Pill" Terror Sweeps Brazil as SNS-Fueled Misogyny Sparks Violence, доступно по ссылке: [Seoul Daily](#)
22. Европейский суд по правам человека. Volodina v. Russia (No. 2), Application No. 40419/19, 14 September 2021, доступно по ссылке: [HUDOC ECHR](#)

Казахстан: законодательство, практика и исследования

23. Цифровая активность Казахстана в Центральной Азии: каковы позиции страны?, доступно по ссылке: [Ranking.kz](#)
24. Республика Казахстан. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V, доступно по ссылке: [Continent Online](#)
25. Республика Казахстан. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года № 235-V ЗРК, доступно по ссылке: [Adilet](#)
26. Республика Казахстан. Закон Республики Казахстан «О масс-медиа» от 19 июня 2024 года № 93-VIII ЗРК, доступно по ссылке: [Adilet Media Law](#)
27. Как изменился уровень бытового насилия в Казахстане, доступно по ссылке: [Ranking.kz Violence Review](#)
28. Кусаинова А. К. (2024). Искусственный интеллект как инструмент профилактики насилия над детьми в виртуальном пространстве. Университет Нархоз.
29. Нукушева А. А. (2024). Сравнительно-правовой анализ законодательства по противодействию кибербуллингу. Вестник Института законодательства РК, доступно по ссылке: [CyberLeninka](#)
30. Мониторинг цифровых прав: август 2025 – январь 2026 года, доступно по ссылке: [LMC.kz](#)
31. Верховный суд принял постановление по делам о преступлениях против половой неприкосновенности человека, доступно по ссылке: [KT.kz](#)
32. Жительница столицы отсудила 200 тыс. тенге за кибербуллинг своей дочери, доступно по ссылке: [Inform.kz](#)
33. В Алматы двух российских блогеров арестовали на 15 суток: оскорбили девушек, доступно по ссылке: [24.kg](#)

Кыргызстан: законодательство, политика и практика

34. Конституция Кыргызской Республики от 5 мая 2021 года (принятый референдумом (всенародным голосованием) 11 апреля 2021 года, доступно по ссылке: <https://cbd.minjust.gov.kg/1-2/edition/1202952/ru>
35. UNFPA Kyrgyzstan. (2025). Гендерное насилие с использованием технологий: Глоссарий, доступно по ссылке: [UNFPA Kyrgyzstan Glossary](#)
36. Итоги 5 лет: уровень проникновения интернета в Кыргызстане достиг 98 процентов, доступно по ссылке: [24.kg Tech](#)
37. Уровень цифровой ненависти среди подростков изучили в Кыргызстане, доступно по ссылке: [24.kg Society](#)
38. Кыргызская Республика. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 127, доступно по ссылке: [CBD Minjust Criminal Code](#)
39. Как журналистки в Кыргызстане подвергаются кибербуллингу, доступно по ссылке: [New Reporter](#)

40. Исследование онлайн-насилия и языка вражды в интернет-пространстве КГ с фокусом на женщин и девочек, доступно по ссылке: [Prevention Media](#)
41. Кыргызская Республика. Цифровой кодекс Кыргызской Республики от 31 июля 2025 года № 178, доступно по ссылке: [Spinform Digital Code](#)
42. Институт Акыйкатчы Кыргызской Республики. Как бороться с онлайн-насилием в отношении женщин и детей, доступно по ссылке: [Ombudsman KG](#)
43. Кыргызская Республика. Закон Кыргызской Республики от 23 июня 2025 года № 123 «О регулировании пользования мобильными устройствами в общеобразовательных организациях», доступно по ссылке: [CBD Minjust Education Law](#)
44. Кыргызская Республика. Закон Кыргызской Республики от 27 апреля 2017 года № 63 «Об охране и защите от семейного насилия», доступно по ссылке: [Learning Partnership KG Law](#)
45. Кыргызская Республика. Кодекс Кыргызской Республики о правонарушениях от 28 октября 2021 года № 128, доступно по ссылке: [CBD Minjust Offenses Code](#)
46. В Кыргызской Республики хотят узаконить цифровые доказательства и арест криптоактивов, доступно по ссылке: [24.kg Digital Evidence](#)
47. Буллинг жана кибербуллингдин алдын алуу жөнүндө, доступно по ссылке: [Ministry of Education KG](#)
48. Президент подписал закон о запрете на распространение порнографии в интернете, доступно по ссылке: [Kaktus Media](#)
49. Кыргызская Республика. Закон Кыргызской Республики «О кибербезопасности Кыргызской Республики» от 17 июля 2024 года № 121, доступно по ссылке: [CBD Minjust Cybersecurity Law](#)
50. ПРООН. (2025). Справочная информация: гендерное равенство 2025, доступно по ссылке: [UNDP Kyrgyzstan](#)
51. Пекин+30: Национальный обзор Кыргызской Республики по реализации Пекинской декларации и Пекинской платформы действий, доступно по ссылке: [UNECE Report](#)
52. Кыргызская Республика. Указ Президента Кыргызской Республики от 5 июня 2025 года № УП-178 «О Национальной программе развития Кыргызской Республики до 2030 года», доступно по ссылке: [Spinform National Program](#)
53. Кыргызская Республика. Национальная стратегия Кыргызской Республики по достижению гендерного равенства до 2030 года, доступно по ссылке: [Shailoo Strategy](#)
54. Вызовы онлайн-агрессии среди подростков и молодежи в Кыргызстане. Аналитическая записка 2026, доступно по ссылке: <https://www.taalimforum.kg/projects/digital-hate-project-ru>
55. Служба юридической помощи при Министерстве юстиции Кыргызской Республики. «Горячая линия 114», доступно по ссылке: <https://ukuk-jardam.gov.kg/ru/hot-line>

